



Если бы все жили внутри Божиего мира!..



Храм святителя Николая в Толмачах. Стоит назвать его – и непременно найдется кто-то, кто произнесет: «Это – где Владимирская». Да, именно там находится величайшая русская святыня, самая ранняя из сохранившихся чудотворных икон. Образ Богородицы с Младенцем, по преданию, написан апостолом и евангелистом Лукой по Ее благословению, на доске стола, за которым обедало Святое Семейство.

Храм в Толмачах – еще и музей. При Государственной Третьяковской галерее. Так что адрес этот знают не только верующие.

В нынешнем году исполняется 20 лет, как в храме возобновились богослужения. И с первой литургии все эти годы окормляет его прихожан настоятель протоиерей Николай Соколов. Он – один из самых уважаемых пастырей Московского Патриархата, кандидат богословия, декан Миссионерского факультета Свято-Тихоновского православного университета. Двух братьев о. Николая – протоиерея Феодора и епископа Сергия – Господь уже призвал к себе, а две его сестры работают в сфере духовного просвещения. Их дед по материнской линии – Николай Евграфович Пестов – религиозный писатель, богослов, доктор химических наук. Дочь его – Наталия Николаевна Соколова (по мужу) – унаследовала от отца и дар глубокой православной веры, и писательский талант. Ее книга «Под кровом Всевышнего» – образец того, как нужно верить и как нужно об этом писать, и еще о жизни верующего человека в безбожном, секулярном мире. С нею я и пришел к ее сыну, о. Николаю Соколову.

Павел Демидов

– Эта книга произвела на меня сильное впечатление. Я почувствовал даже уныние от недостижимости духовной высоты, которая открылась в авторе. От смирения и глубины веры вашей мамы. Нет! – всей вашей семьи. Как можно такого достичь? И возник вопрос: есть смирение и есть покорность. И, наверное, это все-таки не одно и то же. Эти понятия не синонимичны.

– Спасибо, что вы так любовно и тепло отзывались о труде моей мамы, который она написала в память о своем муже и моем родителе, о. Владимире Соколове. Вначале она просто взялась за воспоминания. Но рукопись стала обрастать подробностями, в нее стали входить жизни других людей. Эта книга – труд ее жизни. Это Господь благословил ее, Он показал путь русской женщины буквально с детских лет до умудренной жизнью матушки, которой уже под девяносто.

– Как она себя чувствует?

– Спасибо. Даже была на нашем семейном юбилее – 120-летию со дня рождения моего дедушки, Николая Евграфовича Пестова. Вся наша семья, все близкие и знакомые собрались в храме на Маросейке, он как раз описывается в маминой книге. Там наш

дедушка служил старостой. Был духовным чадом сначала отца Алексия, потом отца Сергия Мечёвых. Сейчас там настоятелем отец Николай Важнов. Мама пришла в храм своего детства. Конечно, слабенькая, и память не та уже, но милостью Божией порадовалась с нами. Теперь что касается вашего вопроса. Смирение и покорность. И то, и другое обусловлено духовностью человека. Покоряться тому, что дает тебе Господь, – это не то, что, допустим, быть покорным властям. Первое ты принимаешь безоговорочно, нерассудительно, как данность. Почему ты родился именно в этой семье, почему у одного отец – священник, у другого – рабочий сталелитейного завода? У меня музыкальный слух, и я окончил консерваторию – другой же вообще никакого слуха не имеет. Почему мой двоюродный брат глухонемой?

– И все это есть проявление воли Божией?

– Несомненно.

– Не следует ли из этого, что не нужно и пытаться излечить человека от врожденного недуга?

– Ничуть не следует. Верующий человек знает, как поступать в таких случаях. Молиться, настойчиво просить Бога: стучите, и откроется вам.

– А в чем разница между покорностью Богу и покорностью властям?

– В том же, в чем между Богом и властями. Покорность властям или кому-то или чему-то еще – это покорность рассудительная, сравнительная, даже критичная. Я покорно склоняю голову перед всем, что исходит от воли Божией, что нельзя изменить.

– В чем бы она ни проявлялась, да?

– Совершенно верно. В чем бы ни проявлялась. Это не значит, что я ничего не могу и не должен изменить в жизни, иначе для чего человек наделен свободой воли? Но есть условие: не нарушая при этом воли Божией. Правда, нужно уметь услышать Его голос. Смирение же... Вдумайтесь: оно – от слова *мир*. А чем мир нарушается в первую очередь? Страстями. Покорность и мир стоят где-то рядом. Покорность – это, я бы сказал, состояние. Смирение – скорее процесс. Это тот мир Божий, который мы должны обрести и который дается через Его благодать, через молитву, через духовную жизнь, через общение со светлыми людьми, через внутренние духовные подвиги. Это означает, что человек, покаясь воле Божией, приобретает такой мир, богат-



ством которого он сможет наделить других.

– Можно сказать, что смирение – это главным образом работа с собой?

– Именно так, работа с собой, точнее – внутри себя. Навык ее приобретает годами. Покорность более доступна человеку. Иногда достаточно простого усилия воли. А смирение дается большим трудом. Нам говорил преподобный Серафим: «Чадо, стяжи дух мирен...».

– «...и вокруг тебя спасутся тысячи».

– Вникните: тысячи! Мамина книга тоже стоит на этом фундаменте. Смирение, которым дышит ее книга, выработалось за десятки лет упорного труда, переживаний, работы с семьей, с собой, с окружающим миром, с теми испытаниями, которые Господь ей послал. Просто ли – потерять мужа, детей... похоронить своих самых любимых людей, начиная с брата, который погиб на фронте? Из этого сплава и родилось смирение, которое мамочка несет в себе всю жизнь.

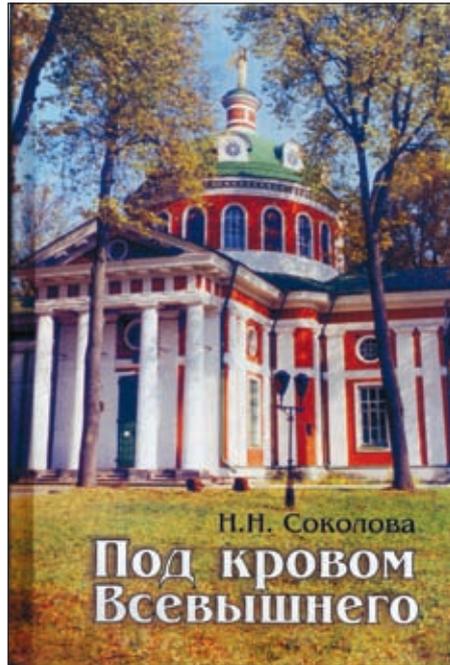
– Смирение – это только лично приобретенное качество?

– Я бы не сказал. У моего дедушки мама была любимой дочкой, ей он передал то смиренное состояние сердца, которым обладал в конце жизни и которым щедро одаривал всех, кто к нему приходил. Но достижение смирения – это еще и большой личный труд.

– Я читал его труды еще задолго до знакомства с жизнью вашей семьи, и... мне трудно даже подобрать точные слова – я чувствовал, что окунаюсь в море любви, это было какое-то невероятное ощущение...

– Я много думал о том же. Все, кто знал дедушку, подчеркивали то же, что и вы вынесли из его книг. При всех его, как говорят, положениях в обществе, а он был серьезным ученым, доктором химических наук, заведовал кафедрой, был замдиректора МЭИ, много всего было, он обладал той любовью, которая буквально притягивала к себе людей.

К нему стремились, чтобы хоть чуточку побыть с ним, в его кабинете, возле его икон. Иногда он молился перед ними или предлагал: давайте помолимся вместе или вставал на колени. Кого-то благословлял – перекрестит, и все,



но только по просьбе самого человека, он никогда ничего не навязывал. И это подчас так исцеляло душу, что человек уходил преображенный. Эти свойства души я вижу в мамочкиной жизни, как продолжение жизни ее отца. Я вспоминаю свои молодые годы... Проснешься ночью и видишь: все спят, а мама на коленях молится. Сколько она так стояла? Час, два, пять минут? А утром просыпаюсь – она уже на ногах, хлопчет по дому. А как часто я засыпал с маминими молитвами.

– Какой же вы счастливый человек! Моя мама мне так же дорога, как вам – ваша, но обо мне молилась разве что бабушка... Мы были советскими людьми в советское время.

– Это большое несчастье для всех нас, для всего народа, для всей страны. Хорошо, хоть наступили перемены. Не нужно преодолевать сопротивление властей, бояться за свою судьбу из-за исповедания веры. Все действительно стало делом доброй воли. А уже одно это не противоречит Божественному установлению о свободе воли.

– Но у вас в семье и тогда никто вашей воли не угнетал?

– Ни в коем случае! Особенно в том, что касалось веры. Мама, как и дедушка, всегда напоминала нам, что нужно помолиться. Но никогда не заставляла. И молитвенный навык приобретался естественно и органично. Тогда в душе вырабатывается потребность в

духовной жизни, без чего нормально существовать невозможно. С утра не помолится – и кажется, весь день пойдет вкось. Мама тебя не поцеловала утром, не благословила – ничего путем не будет. Она даже на той нашей встрече всех благословила. Перекрестила, хотя она уже старенькая, порой даже не всех узнает, но этот смиренный, любвеобильный мир, которым она обладает, влечет к ней многих.

– Меня в книге поразил крохотный эпизод. Когда ваш брат упал и ушибся, мама разбудила батюшку: «Молись скорее! Сима упал». Насколько велика вера в силу молитвы! Не просто помолиться, как мы обычно просим, а – «Молись скорее!».

– Сегодня мы поверхностно воспринимаем слова Священного Писания, Евангелия, апостолов. Апостол Павел говорит: «Непрестанно молитесь. За все благодарите Господа». Молитва должна сопровождать нас всю жизнь. И это не фигура речи, а наставление в самом прямом смысле. Я вспоминаю недавнюю поездку на Афон. Посещение старцев. Они сидят, что-то говорят, перебирают четки, и я знаю: они молятся внутри себя. Если эта внутренняя молитва присутствует в христианском сердце, то ничего не страшно. Мама разбудила отца и сказала: «Скорее молись!». И вот папа помолится. И мама тоже молилась. А там, где двое, трое собрались, там Господь среди нас. Вот Он и сохранил братца, оставил ему жизнь.

– А лично у вас бывало подобное?

– Конечно. Когда чувствуешь, что из-за своей греховности не помогает собственная молитва. И просишь любимого человека: помолись за меня. Вместе и молитва другая.

– Вы помните ваши первые молитвы?

– «Господи, помилуй! Сохрани! Дай здоровье папе, маме». Мама и дедушка учили нас. Это не молитвенное правило. Здесь – постоянное присутствие Бога в сердце. Помню, в детстве мы вставляли на молитву и просили: «Господи! Сохрани дедушку, бабушку». Не называя даже имен. Потому что мы знали, что Господу ведомо, о ком мы молимся. А потом уже себя по именам: Колю, Катю, Симу... всех братьев и сестер. Вот



такая простая детская молитва может быть сильнее иных пространственных молитвословий, сопровождаемых слаженно поющим хором. Мы забываем, что Христос призывает нас походить на детей. Ко мне приходят люди и каются: «Батюшка, не прочитал столько-то правил. Не прочитал этого канона...». Неужели недочитанный канон, с которым он не справился по немощи, Господь поставит ему в вину? Ведь он хотел его дочитать! А канон – всего лишь правило, и только. «Господи! Прости меня, что я не смог полностью выполнить правило». Но Господь не по правилам судит, а по своей любви. Правило у Господа – это любовь.

– Я все время возвращаюсь к книге. Она мне так много дала... Я проверил себя в каких-то вещах: так ли думаю, то ли думаю, а как надо бы думать и поступать? Я нашел полную переключку с собой вот, в частности, в чем. Не знаю, правда, как вы отнесетесь к этому. Я убежден, что не вера должна быть внутри человека, а человек должен быть внутри веры. Я имею в виду, что атмосфера должна быть, что человек должен находиться в этой атмосфере, в этой питательной среде. Атмосфера веры должна обнимать человека, как воздух, которым он дышит. Если бы все мы жили в этой атмосфере... Вы все – жили. Был Божий мир, и вы были внутри его.

– Спасибо вам за это наблюдение. Я многим говорю, что вера – это дар Божий, который дан нам. Не так давно ко мне пришел один знакомый человек и попросил прийти на юбилей врача, которому исполнилось 90 лет. Хороший врач, хирург. Лечил нашего Патриарха Пимена. Я его поздравил. Он благодарил за все, а потом сказал мне доверительно: «Я не могу стать верующим. Во мне вера отсутствует. Вы какие-то особые люди, раз вы все это понимаете». Я сказал пригласившему меня человеку: принимайте его таким, каков он есть. Он сделал много добра людям. Скольких вылечил, от смерти спас. Что делать, если он не воспитан в этих понятиях? К нам на юбилей пришли двоюродные братья. И говорят мне: ты понимаешь, Коля, мы были воспитаны в другой обстановке, в другой атмосфере. А вы были воспитаны в атмосфере веры...

– Так и просится каламбур: атмосфера.

– Так вот, эта самая атмосфера вошла в нас органично, в наши сердца и души. А те были воспитаны на этических понятиях. В их жизни и не предполагалось присутствие веры. Скажем, добро. Добро – это, конечно, хорошо, оно должно быть присуще каждому человеку. Но вера в Бога, вера в Промысл Божий, вера в судьбу Божию, которую дает нам Суд Божий, – все это существовало для безверных людей умозрительно, не касаясь их, и никак не воспринималось как реальность. Это все вроде бы есть, но это, мол, не для нас. Мы – над людьми, которые еще не доросли до понимания, что центр всего – это я, человек, с его потребностями, желаниями, с его безграничными запросами, с его, если хотите, самостью. Такой человек уверен, что все может сам.

– Конечно, с этим трудно расставаться.

– Еще бы! Да и не хочется. Но вот эти люди оказываются лицом к лицу с фактом: жизнь прожита... Конец приближается, – как сказано в каноне у Андрея Критского.

– Что спиши, душа?

– Вот именно! Но как войти в эту новую, неведомую жизнь? Еще даже не церковную – хотя бы просто в христианское бытие, которое связывает нас с Небом, которое говорит, что Господь посреди нас есть и будет всегда. Если мы это чувствуем, знаем – тогда,

как мама говорит, ничего не страшно. Потому что мы находимся под кровом Всевышнего.

– У меня есть очень близкий товарищ. Христианский по своей душе, по своей сути. Умный, интеллигентный, образованный. Но он совершенно неверующий человек. Такое встречается довольно часто. Он живет и поступает, как христианин. Но не может признаться в этом. Я ему говорю: ты ведь все равно стараешься жить по заповедям Господним, но почему ты это отрицаешь? Нет и нет! Я исповедую Добро, Любовь... Так ведь Христос и есть Любовь! Раз ты веришь в Любовь, значит, ты веришь в Бога.

– Господь сказал, что пока есть любовь на земле, жизнь не прекратится. Но во многих оскудеет любовь по причине умножения беззакония. Если он верит в это, то идеалы христианства присущи ему.

– Но почему же он это отрицает?! Я не понимаю.

– Ответ на этот вопрос не из легких. Может быть, за секунду до смерти Господь коснется его так, что тот скажет: «Господи, прости!».

– Как тот благоразумный разбойник?

– Да. Да! Он умирает в страданиях, на кресте, и Суд Божий будет над ним особый. У меня был случай. Думаю, это интересно и поучительно. Мне знакома одна очень интересная и хорошо извест-



Наталья Николаевна с внуками. Начало 90-х



Протоиерей Владимир Соколов с сыновьями (все трое пока еще диаконы): Николай, Сергей и Феодор. 1982

ная в России семья. Мореплаватели. Главной ее в наше время был адмирал Михаил Николаевич Хронопуло. Занимал высокие должности на Черноморском флоте, вплоть до командующего. Он сознательно и категорически отвергал веру, Бога и все, что с этим связано. Хотя был крещен, как большинство людей его возраста, но это не имело для него никакого значения. И вот окрестили внука, причем без его ведома, потому что, наверное, знали, что он не дал бы согласия. Он об этом узнает. И отдает команду, как привык у себя на флоте: «Раскрестить!». Это невозможно! Но он – ни в какую, ну не понимает человек, чего требует. Когда начались пертурбации в стране, ушел на пенсию. Не принял и наши, с позволения сказать, новшества, и к вере не подвинулся ни на йоту. Правда, раза два присутствовал на крестинах, но терпел и молчал. Со мной общался очень по-доброму. Я очень уважал его: он много доброго сделал для флота, да и просто был порядочным, честным человеком. И вот буквально за три дня до смерти он зовет внука: «Мне нужно к отцу Николаю». – «Может, попросить батюшку, чтобы он пришел к тебе?» – «Нет, мне нужно к нему». И произносит: «Собороваться». От него услышать такое... А времени – ну никакого! Уже Страстная надвигается... И тут я сообщаю: у меня же в пятницу соборование, последнее перед Великим постом.

И я говорю: если он захочет прийти сюда – приводите. И вот представьте: его привозит на коляске порученец, заводит в храм, я его встречаю, он одет по всей форме... И он просит подвести его к Владимирской. И перед нею он поднялся на ноги, как уж преодолел боль и слабость, не знаю, но сделал три шага к иконе и поцеловал ее. После этого обернулся ко мне и сказал: «Я готов. Теперь делайте со мной, что надо». – «А вы пришли просто в храм или?..» – «Я пришел пособороваться». – «Тогда надо исповедаться. Хотите, я вас причащу? У меня есть запасные Дары». – «Я утром выпил кофе». – «Ну, что делать? Вы же больной человек». И вообще ему под девяносто.

– Но он знал, что причащаться надо натошак.

– Да, знал. И про соборование, оказывается, знал. И про исповедь. Исповедь эта была, нужно сказать, особая. Он сказал всего несколько слов, но я видел, я чувствовал, что человек кается в грехах, что он хочет уйти из этого мира очищенным. Я совершил Таинство Исповеди, а он полностью отсел дел все соборование. К концу вижу, что он держится из последних сил. Я спросил, в состоянии ли он причаститься. Он сказал: да. Через день он скончался. Да, такой штрих. Когда он причастился, то лицо его, старого и тяжело болящего человека, просветлело. Я до сих

пор помню его слова благодарности. «Как мне хорошо! Как легко!». И вдруг поднял руку, как школьник: «Отец Николай! А когда я приду домой, можно мне рюмку коньяка выпить?». Разумеется, я ему легко позволил. «Я вас так люблю!» – сказал он на прощанье.

– Вот как призвал его Господь!

– Но почему? Ведь была сплошная, глухая стена. Значит, где-то что-то одному Богу было известно, что творится в его сердце. Поистине Господь призывает человека к себе в наилучший для него момент. Наш адмирал был готов. Более того, буквально через несколько дней его сын, тоже адмирал, был на Святой Земле. «Я, – говорит, – стою в храме и вдруг вижу: рядом – отец. Это была Страстная Пятница, перед выносом Плащаницы. Я что, с ума сошел? Ведь мы три дня назад его похоронили. Я говорю: «Папа! Это ты?». Он кивнул головой. И уже нет его». Это душа молилась рядом. Поэтому люди, которые делают добро, пусть просто продолжают его делать. Господь может за мгновение изменить их посмертную судьбу. Мы не знаем, что еще может быть в их жизни. Мы не можем до конца понять Промысл Божий. В молитве, которую священник читает всякий раз перед началом исповеди, есть слова: «И Манассию мне на покаяние молитву приемый...». Манассия – это жестокий царь Израиля, который совершал гнусные поступки, страшные вещи. И вдруг в конце жизни – смирение. В тюрьме и в заключении молился. И Господь принял его покаяние. И простил его. Как же не быть покорным такому Богу?!

– После нашего разговора у меня ощущение, что я еще раз прочитал книгу вашей мамы.

– Спасибо. Я очень хотел бы, чтобы она была на пользу молодому поколению. Они вырастают, не зная истории России, не зная христианства. Не зная того, насколько Господь близок к каждому из нас. Насколько Он любит нас. Сегодня есть немало «любвей», обязательно поставьте это слово в кавычки, ибо не надо путать их с истинной, Господней любовью и с любовью к Господу. Когда есть возможность проявить доброту к человеку, почувствовать его боль, утешить его, сделать его хоть немного счастливым, это уже будет то, к чему всех нас призывает Господь.



БЫТЬ В СОГЛАСИИ С ГОСПОДОМ И С СОБОЙ

«Музыка Эдуарда Артемьева – откровение Творца в Его предьявлении человеку красоты. Она открывает мир, построенный по законам красоты. Мир как осуществление красоты, где музыка выступает в роли языка, с помощью которого Творец общается с человеком». Автор этих строк – Михаил Юрьевич Лермонтов, правнучатый племянник великого поэта. А приводится цитата по монографии Татьяны Егоровой «Вселенная Эдуарда Артемьева». Список основных (только основных!) произведений композитора занимает в книге семь страниц, 199 названий. Оперы (последняя – «Преступление и наказание» по Достоевскому), оратории, кантаты, хоровые и вокально-инструментальные сочинения, симфонии, сюиты, инструментальная музыка, произведения для солирующих инструментов с оркестром, фортепианная музыка, электронные композиции, музыка к спектаклям, кино и телефильмам. Истинно народную популярность принесло как раз последнее направление в творчестве: в списке из 199 названий 131 – это музыка в кино.



Не обошла Артемьева и слава. Он – заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист РФ, почетный гражданин города Балтимор (США), четырежды лауреат Государственной премии РФ, четырежды лауреат национальной премии «Ника», обладатель приза Московского международного кинофестиваля «Святой Георгий» «За выдающийся вклад в мировой кинематограф», премии Американской киноакадемии «Оскар» в номинации «Лучший зарубежный фильм», премии ОПТИМА «Искусство объединения человека и информации», награжден Малой золотой медалью ВДНХ, трижды лауреат премии «Золотой орел» за лучшую музыку к фильму, обладатель премии «Овация» за вклад в музыкальное искусство и мастерство, национальной премии «Известность». Иному достаточно одного крохотного

лаврового листочка, и не знаешь, с какого боку к нему подойти. А тут такое... Вот я и отправился к гению с вопросом главной темы номера: есть ли разница между смирением и покорностью?

Павел Демидов

– На эту тему я не задумывался никогда, так что это будет полная импровизация.

– На то ты и композитор.

– Но не в таких глубоких вопросах.

– Позволь, я помогу тебе. Есть, скажем, такая точка зрения: смирение – это взаимоотношения с самим собой, со своим внутренним миром, со своими страстями, умирение этих страстей... А покорность – это подчинение обстоятельствам, и прежде всего – подчинение воле Божией.

– Наверное, покорностей может быть много. Есть даже рабская покорность... Смирение – это для меня прежде всего смирение перед судьбой. Куда она меня вела, туда я и шел. Когда я проявлял какие-то волевые усилия, это для меня всегда кончалось плохо, только шишки себе набивал. Это касалось и музыки, и бытовой жизни. Так что я очень доволен своей судьбой. Тем, что я ей подчинялся, прислушиваясь к ее зову, к ее течению.

А судьба – это Божественная субстанция. Правда, Господь дает человеку свободу воли, чтобы он мог куда-то повернуть. Если захочет. А я как раз не хотел. Что касается покорности... Здесь эти понятия очень близки. Когда смиряешься с судьбой, это и есть проявление покорности.

– Когда приходилось покоряться чему-то, ты это воспринимал органично или нужно было что-то преодолеть в себе, чтобы покориться?

– Как правило, я покорялся. Потому что когда я представлял, сколько потребуются усилий, чтобы сопротивляться, эта чудовищная трата времени, сил... лучше уступить.

– Ты удивительный человек! И в тебе не играло ретивое? Как это я буду подчиняться?!

– Ощущение обиды, может быть, и имело место.

– Обиды на обстоятельства?

– Да, да. «Бедный я, бедный!..». Но не более того.

– А в творчестве? Ведь оно тесно соприкасается с другими людьми, с их волями, с их эстетическими представлениями, вкусами, наконец, с их талантом. Особенно это проявляется в кино. Неужели обходится без столкновений?

– Когда пишу свое сочинение, я очень неуступчив. Потому что уверен в том, что делаю. Потому что это идет через мучения, выстрадано, уже прошло определенную селекцию внутри меня. Я с трудом расстаюсь с тем, что сделано. А вот в кино – дело другое. Там ты пишешь по заданию и должен принимать правила игры, которые тебе предлагают. Ведь тебя никто не заставлял, ты согласился добровольно, так уж будь любезен...

– В кино функция музыки все-таки подчиненная.

– Абсолютно! Но это понимание пришло не сразу. Я считал: музыкальное образование дает мне какие-то преимуще-



ственные права. Но очень скоро убедился в обратном. Я работал у режиссера Самсонова тапером, нужно было зарабатывать, а потом вдруг позвал меня к себе, на фильм «Арена». Тогда кинематограф был режиссерский, а не продюсерский, как сегодня, и я увидел: режиссер – это всё! Когда мы уже начали записывать музыку, я вдруг с ним заспорил. Он долго и терпеливо слушал, и это запало. Особенно фраза: «Будешь слушать меня – будешь работать в Голливуде. Нет – дальше Бердичева твоя музыка не пойдет». С тех пор я внимательно всех слушаю. Даже всякий бред.

– Это и есть наша тема! Сразу – и смирение, и покорность. Смирение в том, что в итоге ты перестал самоутверждаться, перестал спорить, настаивать на своем. А покорность – ты подчинился требованиям режиссера, сделал так, как настаивал он.

– Возможно. Мне было всего двадцать шесть тогда. Может быть, я еще и боялся потерять работу...

– Это хорошо, что к тебе пришло такое осознание. Не стал тратить время и силы на борьбу за престиж. А по мере того, как входил в силу, не возрастало в тебе ощущение собственной значительности?

– Самости, ты имеешь в виду? Нет, нет. Когда меня приглашали на работу, для меня всегда было самое главное – не подвести. Это такой тяжелый груз...

– А сейчас на тебе какой груз?

– Фильм о Валерии Харламове, великом хоккеисте. Режиссер почему-то захотел пригласить меня. Вкальвывал, что называется, из последних сил, до этого тоже была сложная работа. О других не скажу, но у меня так: чем становишься старше, мастеровитее, тем выше и выше поднимаешь для себя планку. Казалось бы, опыт должен облегчать твою жизнь. А на деле все наоборот. Уже написано столько музыки, что запросто можно повториться. А вот этого позволить себе никак нельзя! И нельзя, чтобы было хуже того, что уже создано. Отсюда и то, что называют «муками творчества».

– Это врожденное, что ли, качество? Чувство долга, обязательность?

– Ей-богу, не знаю. Наверное. Я, правда, иногда по-прежнему думаю: а не боюсь ли потерять работу?

– Думаю, ты давно уже перестал этого бояться.

– Ой, всякое бывало. Например, в 1987 году в Голливуде, куда пригласили по рекомендации Кончаловского, мне

устроили творческую проверку. Потому что Россия для них – это все равно медведи. Удивляются, что человек ноты знает. А тут еще Андрей срочно улетел в Россию, и я остался один. Они вообще не понимали: зачем Кончаловский вызвал человека из Москвы? Здесь столько композиторов, и все знают английский...

– Они слушали твою музыку или попросили что-то написать?

– Все прежнее отвергли: это, говорят, Европа, а у нас Америка. Показали два эпизода, дали неделю срока, студию. В следующий понедельник я приезжаю. Ждут трое. Послушали меня, чуть ли не стоя в дверях, кивнули: «О'кей, будем работать», – и ушли. Так сбылось пророчество Самсонова. Как раз к вопросу о смирении. Ситуация словно испытывала меня: один, в чужой стране, и человек, который тебя вызывал, – уехал. И только от тебя самого зависит, насколько смиренно ты примешь все это, в том числе и экзамен, который устроили тебе.

– А как тебе работало с жесткими режиссерами? Тебе такие вообще попадались?

– Слава Богу, нет. Хотя... например, жесткий режиссер – Никита Михалков. Но мне с ним как раз наоборот – легко. Его жесткость в том, что он добивается, чего хочет. А он всегда четко знает – чего. Это, пожалуй, самое важное. Просто с актерами одна жесткость – это абсолютная точность даже в мельчайших деталях, а например, с композитором – другая: добиваться точного исполнения замысла, не навязывая своего представления о частностях. С Кончаловским сложнее: он окончил еще и консерваторию, и порой получается, что на картине как бы два

музыканта – приглашенный композитор и сам режиссер. А это иногда утомительно. И дополнительный тест на смирение.

– Но ты работал еще и с Тарковским. Как тебе было с ним?

– Это вообще особый случай. Он считал, что музыка в кино должна быть только там, где кончаются эмоциональные возможности самого кинематографа. То есть он отводил ей совсем уж вспомогательную роль. Музыка в кино считал недостатком. На «Солярисе» я должен был заниматься тем, что теперь называется sound designer, а тогда такой профессии – звукоформителя – еще не было. Тарковский сразу сказал: «Там будет Бах, а твоя музыка меня не интересует». Я очень удивился...

– Не обиделся?

– Что ты! Это был известнейший человек, а у меня, кажется, всего третья картина. Очень скоро я понял, что задача весьма сложная. Он хотел одухотворить звуки с помощью музыки. То есть не просто шум леса или воды, а там, внутри, еще какие-то голоса, звуки, пение... Потребовались оркестр, певцы. В итоге родился некий киноязык, который звучал только в его картине. Как ни странно, больше никому это не понадобилось. Предлагал другим режиссерам – увы... Правда, я получил от Голливуда, в связи с их столетием, предложение участвовать в картине, посвященной величайшему актеру немого кино Рудольфо Валентино, и как раз там этот киноязык Тарковского из «Соляриса», как мне написали в письме, «мистическая музыка», был бы очень точен. Но, к сожалению, фильм о Харламове приходился тоже на это время. Спустилось столько лет – и вдруг понадобилась эта музыка.





– Не горят не только рукописи, но и партитуры.

– Воистину. Я даже подумал: а смогу ли сегодня работать в той манере? Но испытать не пришлось. Жаль. Мы вроде ушли от темы, а что еще добавить – и не знаю

– Никуда мы не ушли. Потому что тема эта неисчерпаема. Ты ведь работал со многими режиссерами. Но основной для тебя все-таки Михалков. Для Никиты и его брата ты как талисман: они признают только твою музыку.

– Это красивый апокриф, хотя доля истины в нем, возможно, есть.

– Можно сказать, что в жизни тебе не так уж много приходилось себя смирять?

– Пожалуй. Разве что в страстях, и то по молодости. А в работе – нет. Это самое главное.

– То есть жизнь твоя проходила и сейчас идет в согласии.

– Грех жаловаться. Можно сказать, что мне всегда интересно быть с самим собой.

– А с самим собой ты не конфликтуешь?

– Как-то не получается. Я все время чем-то занят, притом неотложным. Не до конфликтов. И в этом большое счастье. И для меня, и для окружающих.

– Почему для окружающих?

– Потому что я не бываю агрессивен, всегда выслушиваю другие мнения, не вступаю в уныние, когда, кажется, весь свет не мил.

– То есть с тобой всегда можно договориться.

– Почти всегда.

– Не зря тебя бабушка вместо Эдуарда переназвала Алексием. Ты в самом деле Божий человек.

– Об этом не мне судить.

– И не надо. Я вон сколько лет тебя знаю! И от других слышал то же. Ладно, не буду тебя смущать. Лучше вот что скажи: как ты вообще попал на эту стезю?

– До двенадцати лет я занимался музыкой из-под палки. Слушать любил, но чтобы самому играть... Вся наша родня была вовлечена в эту проблему, но без особого успеха.

– И вот однажды...

– Именно так. И вот однажды я услышал у нас дома совершенно невероятную музыку. Небесную? Не знаю. Не земную – это точно. Вообще даже не музыку, а что-то непонятное, но крайне привлекательное. Играл мой дядя, а я подсматривал в щелочку. Когда дядя ушел по делам, я посмотрел, что это за ноты. Оказалось – Скрябин. Его последнее сочинение, самое сложное. Я стал разбираться. Тайно. И мне захотелось сочинять так же. После этого я буквально заболел сочинительством. И в электронику я тоже пришел внешне по случаю. В журнале «Техника – молодежи» прочел о музыке будущего, о синтезаторе. И тут как раз я оканчиваю консерваторию, и меня знакомят с Мурзиным, человеком из военного ведомства, который, разумеется секретно, занимался перехватом движущихся целей, а это связано с электронно-акустической проблематикой. Был он к тому же страстным почитателем Скрябина и джаза. И добился, чтобы в его лаборатории утвердили подтемой создание синтезато-

ра. И он пригласил меня к себе на работу. Видишь, откуда все идет? Синтезатор был создан в единственном экземпляре. Но Мурзин вскоре тяжело заболел и умер. И все заглохло. Как всегда: есть человек – есть дело, нет – ...

– А как ты вообще вышел на него?

– По объявлению, которое увидел в консерватории. Под меня он и выбил ставку, чтобы можно было работать не любительски, а профессионально. Его коллеги не понимали: к чему их конторе музыкант, да еще штатский? А я, между прочим, сразу получил должность старшего инженера в почтовом ящике. В двадцать два года. Тут как раз в Магадане открылось музыкальное училище, и наш руководитель Свешников сказал, чтобы весь наш курс поехал туда. А меня военное ведомство забрало себе. Тоже совершенно удивительно. Потому что окажись я в Магадане, это была бы совсем другая музыка.

– Магадан – совсем другая музыка. Приходилось бывать. Можно сказать, что ты в очередной раз покорно принял поворот в своей жизни?

– Наверное, да. Получился поворот к лучшему, но ведь я об этом не знал: что и как сложится. Я просто принял то, что мне дал Господь.

– Неверующий сказал бы: судьба.

– Это слова. В основе всего все равно Господь.

– Хорошо, когда это понимаешь. И как же ты дальше укреплял обороноспособность страны?

– Я изучал возможности синтезатора и пробовал писать пьески для него.

– Так началась у нас эпоха электронной музыки. И ты стоял у ее истоков.

– Слишком пафосно. Но, между прочим, синтезатор жив до сих пор, хранится в музее. И есть еще один аппарат, вот уже полвека, и на нем даже играют. А моя жизнь как влилась в это русло, так и течет в нем.

– А твоя вера соприкасалась с этими проблемами – смирения или несмирения, покорности и непокорности? Или все в твоей жизни было естественно и само собой?

– Наверное, это было скорее само собой, потому что не требовало от меня больших нравственных усилий. Но, с другой стороны, искушения всегда бывали, и я, что скрывать, поддавался им. Особенно в молодости. И переживал по этому поводу. И зарекался. А потом – опять... Я и при советской власти был



верующим человеком. Но не мог бы назвать себя твердым в вере. Я был абсолютно уверен в существовании Господа, что все под Его вселенской добротой, под контролем... Я ощущал это.

– **А откуда это к тебе пришло?**

– Я не знаю. Может, бабушка. Я жил в комнате с ней...

– **Бабушки – великие люди.**

– Бабушка Дарья у меня была такой веры, которой я больше не встречал. ... Знала все молитвы. Была неграмотной, но помнила всю церковнославянскую азбуку, только не умела слова составлять. Я прожил с ней до самой ее смерти. Каждое утро, с шести часов, я уже слышал ее шептание: стоит на коленях и молится. И просыпался. И засыпал под молитву.

– **А что еще нужно ребенку, чтобы вырасти правильным человеком?**

– Что еще нужно – не знаю, а вот это – необходимо. Помню, пионером, решил пошутить над ней: сказал, что Бога нет. Ну, как в школе учили. Что тут было!.. Она с клюкой на меня!.. Не принимала даже малейших шуток на эту тему, а тут вдруг родной внук... Мне передалось и очень сильно укрепилось ее отношение к Богу.

– **Ты жил в атмосфере веры, она окружала тебя, была твоим питательным раствором. Я убежден, что должно быть именно так. А если вера как бы имплантируется в человека, а не входит в него из окружающего мира, это может привести к обособленности, к своего рода сектантству.**

– Пожалуй. В моей жизни такого не было. Тетушка моя была верующая. Дядюшка окончил синодальное училище и служил регентом. Работая в музыкальном училище. Не знаю, как он уцелел при советской власти. Верующие были, можно сказать, вокруг меня всюду.

– **Вера входила в тебя естественно и неосознанно. Так?**

– Совершенно верно. Сколько рассказывала мне бабушка о наших святых! Алексей, Божий человек, стал чуть ли не частью моей жизни. Кстати, самый любимый ее святой.

– **Видишь, и она оказалась пророчицей, как Самсон Самсоныч.**

– Они напрозорчили, а мне – оправдывать доверие. Моя тетя со стороны мамы тоже была верующей.

– **Но с партбилетом, да?**

– А куда денешься?

– **Слушай, вот мы с тобой прожили уже достаточное количество лет... Как, с твоей точки зрения, люди изме-**

нились за это время? Мне, например, кажется, что изменились. Причем не в лучшую сторону.

– Изменились до неузнаваемости.

– **А те, кто окружает тебя?**

– Пожалуй, нет. В основном.

– **У меня с моим окружением то же самое. Думаю, что так и у других тоже. И получается, что те, кого я знаю, вроде не изменились. А изменились не знакомые мне. А их-то я как раз и не знаю. Как же могу судить о них?**

– Вопрос, конечно, интересный. Надо будет обдумать. Наверное, самое правильное – как сказано в Евангелии: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1).

– **Но мы же не судим, а пытаемся разобраться.**

– Как же большевики переколбасили, перекрутили страну! Эта адская затея им, надо признать, удалась. Выйдет ли из этого Россия?..

– **Сегодняшние реалии – это, мне кажется, не только наследие коммунистов.**

– Людей лишили главного – веры. И они остались беззащитны перед миром.

– **Это да. Получилась гремучая смесь: с одной стороны, наследие большевиков легло на нашу нравственность, с другой – Запад с его «общечеловеческими ценностями». А люди совершенно не подготовлены к этому.**

– Абсолютно. Когда думаешь о России, возникает образ распятого государства. Католицизм с его собственными представлениями о христианстве, огромный мусульманский мир...

– **Нам остается одно – венцы зарабатывать. Ты вот тоже зарабатываешь себе венцы. Не вступаешь в конфликты, не проявляешь амбиций... Для человека, который занимается творчеством, это какое-то отклонение от принятой нормы.**

– Я где-то прочел, что человек без амбиций – это вообще не творческий человек. С печалью я узнал об этом.

– **Значит, тебя двигает по жизни не талант, которым тебя Господь на-**



делил, а отсутствие амбиций? Занятно. Мне кажется, отсутствие амбиций – это признак некой провинциальности. Потому что именно провинции более свойственны застенчивость, скромность, нежелание выпячивать себя...

– Ты, наверное, имеешь в виду провинцию Тургенева и Чехова? Хотя не только... Я ездил с концертами по Сибири и Дальнему Востоку. Не очень много, месяц, но все же успел узнать людей. Очень радушны. Отзывчивы... Они словно несли в себе отзвук еще той, старой России. Даже непритязательная архитектура, неспешный ритм жизни – все словно настраивает человека заглядывать больше в себя, а не вертеть головой по сторонам.

– **Я прожил на Дальнем Востоке семнадцать лет и считаю это лучшей частью моей жизни. Ты много бываешь за границей, особенно в Америке и в Англии. Не утомляет тебя тамошняя жизнь?**

– Очень люблю Лос-Анджелес. Там удивительная русская диаспора, это главное. И – климат. И еще очень люблю тепло. Но теперь я уже больше никуда не хочу ездить. Суетно.

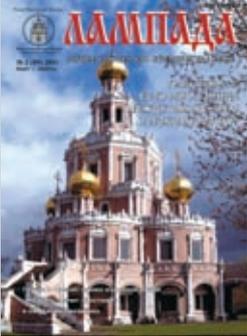
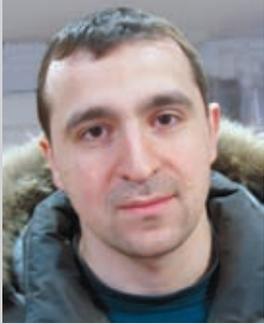
– **Может, это возраст?**

– Не думаю. Я же работать не прекращаю! Наверное, больше стал ценить время.

Фотографии Елены Кузнецовой



Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Валерий Яковлевич Нуждаев, 61 год, фотограф</i></p>	<p><i>Наталья Тимофеевна Кузнецова, 54 года, врач</i></p>	<p><i>Никита, 26 лет, аудитор</i></p>
			
<p>Что такое в вашем представлении смирение?</p>	<p>Смирение – это когда человек себя смиряет, когда он свою гордость прячет.</p>	<p>Уничжение, унижение себя, умаление себя, своих пристрастий, неуемных желаний.</p>	<p>В моем понимании смиренный человек – это тот, кто борется со своими страстями, кто обуздывает себя, свои хотения и желания.</p>
<p>Как вы определили бы, что такое покорность?</p>	<p>А покорность – это когда человек полностью исполняет то, что ему говорят.</p>	<p>Не прекословить, на волю Божию полагаться. Не упрямиться, не раздражаться, не ругаться, а мирный дух иметь.</p>	<p>Покорность – это, наверное, подчинение волей Божией.</p>
<p>Что вам труднее всего смирять в себе?</p>	<p>Труднее всего смиряется гордость.</p>	<p>Пожалуй, волю свою смирить. Да, да, труднее всего отказаться от своей воли, быть послушной.</p>	<p>Труднее всего смирять собственную гордыню.</p>
<p>Если вам приходится покоряться, чувствуете ли вы себя униженным?</p>	<p>Пожалуй. Если при этом исполнять, но не покоряться. В армии есть приказ командира, но всегда говорят: не надо его бездумно исполнять. Исполнение – это еще не покорность.</p>	<p>Униженной я себя не чувствую, я вижу, что это моя гордыня не дает мне смириться.</p>	<p>Не всегда. Если приходится покоряться с пониманием того, что все происходит по воле Божией, то себя униженным не чувствую.</p>
<p>В каких случаях вы считаете несмирение оправданным?</p>	<p>Несмирение оправданно только в одном случае – когда хулят веру. Какое тут может быть смирение!</p>	<p>Когда ополчаешься против зла, когда при тебе хулят Бога. Тогда считаю несмирение оправданным.</p>	<p>Когда это касается вопросов веры, каких-то принципиальных вещей. Тогда надо не смиряться, а защищать веру.</p>
<p>Могут ли уживаться в одном человеке гордость и покорность?</p>	<p>Никогда не уживутся! Покорный человек не может быть гордым, он по духу уже другой. Гордые люди не покоряются, они обособлены, и там, где гордость, присутствует презрение к окружающим.</p>	<p>Думаю, что могут, если гордость поддерживает в человеке его достоинство, если не мешает жить по заповедям Христа.</p>	<p>Смотря что понимать под словом «гордость». Если гордость за то, что ты христианин, она очень хорошо уживается с покорностью, со смирением. Если это гордыня, то покорность с ней не может уживиться.</p>



ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА МЕЖДУ СМИРЕНИЕМ И ПОКОРНОСТЬЮ?

Анкета «Лампады»

<p><i>Сергей,</i> 37 лет, банковский работник</p>	<p><i>Мария Крюкова,</i> 14 лет, школьница</p>	<p><i>Валерий Дмитриевич,</i> 62 года, пенсионер</p>	<p><i>Светлана,</i> 42 года, госслужащая</p>
			
<p>Смирение, в моем представлении, это принятие воли Божией.</p>	<p>Смирение – это когда человеку приходит какое-то обстоятельство в жизни и это надо принять.</p>	<p>Смирение – одна из высших христианских добродетелей, старцы говорят, что она чуть ли не выше любви при духовном росте.</p>	<p>Сложно сформулировать. Внутренне понимаю.</p>
<p>Покорность – это больше синоним слова «дисциплина», соблюдение каких-то установленных правил, но нельзя связывать его со смирением.</p>	<p>Слушаться старших, своих наставников в школе, родителей, тех, кто учит тебя жить. Если тебе вдруг скажут в окно выкинуться или будут учить чему-то плохому, глупо быть покорной. Своими мозгами тоже надо думать.</p>	<p>Покорность – это покорность судьбе, близко ко смирению, но это как бы лжесмирение, потому что покорность может быть из каких-то личных выгод. Человек, проявляя покорность, может идти против каких-то своих идеалов.</p>	<p>Наверное, разумное и осмысленное подчинение своей воле Божией.</p>
<p>Два инстинкта – инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода, а они включают в себя гордыню, ревность и т.п. А это самое тяжелое для любого человека.</p>	<p>Гордость – мать всех пороков, и ее сложнее всего смирять в себе. Очень сложно заставить себя думать, что на самом деле ты не такая хорошая, какой кажешься себе или окружающим.</p>	<p>Труднее всего смирять то, что кажется самым простым: хотя бы хорошее мнение о себе. Господи, избави меня от лукавого сердца!</p>	<p>Лично мне труднее всего удается смирять обиду. Наверное, я очень самолюбива.</p>
<p>Покоряться в каком смысле? Если какому-либо человеку – я могу испытывать унижение, а если речь о принятии воли Божьей, это два различных режима покорности.</p>	<p>Наверное, нет. Разве что насильно тебя заставляют, ставят тебя перед фактом – пойд и сделай, вот тогда обидно, а если попросят, то нет.</p>	<p>Если покоряться в смирении, то не чувствуешь себя униженным. Наоборот, тебе как бы дается шанс проявить это смирение. Покоряться кому-то – за это можно порой и спасибо сказать.</p>	<p>Нет, не чувствую себя униженной, особенно если понимаю, что все справедливо.</p>
<p>Если смирение в какой-то жизненной ситуации может привести к поруганию веры, к попранию воли Божией, я – категорически за несмирение.</p>	<p>Смиряться, смиряться перед кем-нибудь, а потом наступает момент, когда тот привыкает и считает, что только так должно быть. Несмирение перед ним поможет ему измениться.</p>	<p>Сам вопрос заключает в себе некорректность, по большому счету, смирение всегда оправданно, если Бог попускает что-то, то оно оправданно.</p>	<p>Если это не тупое упрямство, а разумное поведение. И еще очень важно, чтобы мое несмирение не причинило вреда моим близким.</p>
<p>Не могут. Никак и никогда.</p>	<p>Наверное, могут, но смотря что понимать под гордостью. Гордиться вообще вредно.</p>	<p>Очень даже могут. Гордость за свое отечество – это одно дело, а гордость как внутреннее качество, гордыня – это другой вопрос.</p>	<p>Гордость и покорность – да. Гордыня и покорность – нет.</p>

Валентин Курбатов

В надежде воскресения

А разговор-то о «национальной идее» все настойчивее. Не у молодых, конечно. Что им до идеи? Разве что пойдут в «Наши» из честолюбия, подыскать местечко на будущее, «поступить в чиновники». Мир подталкивает их в честолюбивую сторону. Я говорю о «взрослых», а больше о пожилых людях, кто все-таки хочет оставить этот мир поумнее, чем принял при рождении. Иначе уж как-то стыдно, словно и ты виноват, что жизнь не задалась, хотя вро-



Мирожский монастырь



Спасо-Елизаровский монастырь



Успения Богородицы в Бутырках

де никуда не лез, работал как все, жил как все, верил в то, во что верят все. А теперь вот читаешь завещание Виктора Петровича Астафьева «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье», и с тоской соглашаешься: да, так. И это у него, который был свет, дар, чудо. А ты-то, ты что скажешь...

И вот читаю осмеянную прямо при рождении программу Никиты Михалкова, рекомендации Народно-патриотического Союза, Центра стратегических исследований, Общественной палаты, Русского народного собора, и вроде все необходимо и разумно. Вон и слово «стратегия» в политическом словаре так же неизбежно, как «инновация». А между тем дела-то, стоящего за ними, нет как нет. Все как-то изошло в слова равно у «позиции» и «оппозиции», и человек отвернулся от обеих.

И легко было бы сдаться и уйти в «а-а-а, пропади все пропадом!», если бы не душа, которая, говорят, у нас от рождения христианка. И все она перешагивает через частное и ищет, ищет общего. И, слава Богу, находит его там, где кончаются слова и начинается вера.

Побывал я тут на христианском кинофестивале «Невский благовест» в Петербурге, поглядел документальные картины да вспомнил, что прежде видел в документальных программах «Золотого витязя» и «Послания к человеку», и вдруг как впервые оглянулся в родном Пскове и окрестностях. Когда я приехал сюда в 1964 году, служили в городе Никольская и Варламовская церкви да Троицкий собор. Зато заводы стояли стеной – «Машиностроитель», радиозавод, «Выдвиженец», АДС, АТС, ПЭМЗ, ТЭСО (не буду расшифровывать – какая разница, – большие заводы). И мир был равновесен. Тонкости духа, может быть, было маловато, зато «толсто» дела – как раз.

А теперь гляжу – на месте заводов одни торговые да развлекательные центры, Эльдorado да Максимумы, словно приснились заводы-то. Вроде и вчера, а как при царе Горохе – рабочий класс, крестьянство: объясни-ка значение этих слов нынешнему школьнику.

Зато храмы-то – поглядите (в отличие от заводов все и назыву – такой свет и родная даль) в одном Пскове прибавились к прежним: другой Никола (со Усохи), Василий на горке, Успения с Пароменья, Воскресения со Стадища, Косьмы и Дамиана с Примостья, Петра и Павла с Буя да Петра и Павла Сироткина монастыря, Богоявления с Запсковья, Анастасии Римлянки в Кузнецях, Дмитрия в Поле, Успения в Бутырках, да Константина и Елены, Ильи Пророка, Иоанна Предтечи, Рождества и Покрова Богородицы, Жен-Мироносиц, Старое Вознесение, да новенькие, вчерашнего рождения Воскресения Христова в Орлецах, да Веры, Надежды, Любви и Софии в Крестах. Хватит нам на двести-то тысяч! Да монастыри вокруг в прибавку к старому Печерскому – Снетогорский, Мирожский, Крыпецкий, Спасо-Елизаровский.

Ведь это крепость! Стена до небес. У кого-то из поэтов вычитал, что крест на храме – это знак плюс между небом и землей, чтобы они стали – одно, потому что только вместе и есть целое. А один мой товарищ вдруг чудно (и как верно!) повернул, что в предчувствии войны Сталин строил заводы, хотя бы и разоряя деревню, потому что заводы были нужны больше, чтобы устоять в войне. А теперь вот война тоньше и хитрее. Она объявлена русской душе, чтобы не было нас на

карте мира с нашими вопросами – с Достоевским и Толстым, Серафимом Саровским и Сергием Радонежским. Тогда миру можно будет в удовольствие пожить «не затягивая пояса», без укоризненного взгляда вслед.

И Россия как-то незаметно, словно само собой, в самые темные дни поставила монастыри и храмы, ничего ни у кого не вымогая, без всяких нынешних заклинательных инвестиций – одной Господней волей да русскими руками. И мы сами-то еще сетуем, устаем от неопределенности заемных «цивилизационных проектов» и «гражданских обществ», а Господь в любви своей уверенно и покойно, без демонстраций напоминает нам, что «национальная идея не то, что народ думает о себе во времени, а то, что Бог думает о нем в вечности». И крепит «духовную индустриализацию» страны перед новыми вызовами мира. Противник это почувствовал быстро, отчего и кинулся в атаку на церковь, страшась, что мы и правда вспомним, что мы – народ Божий, и тогда нас не свернешь в «сырьевые приатки».

Поневоле вспомнишь сто раз слышанное в храме, чему ты противился гордой душой, что «сила Божия в немощи совершается». Вот и мы в промышленности и сельском хозяйстве сделались немощны, а душа народная незаметно подтянулась. И только еще по привычке донашивает старые идеологические одежды и печалится, и хочет остаться прежней, не заметив, что уж переделалась в новые одежды и готова к иному пути. И выходит на свою работу не по заводскому гудку, а уж по другому зову.

Еду в воскресенье на службу и улыбаюсь на каждой останковке – вон выходят успенские прихожане, вон никольские, а вон троицкие. Выйдешь в центре, и – какое счастье! – у Троицы звонят, у Василия на горке, у Архангелов Михаила и Гавриила. Вот тебе и Путь к Истине, и Жизнь. Мы еще сердцем-то по-настоящему не проросли и глядим на эту жизнь как на «параллельную», «воскресную», не определяющую существа жизни. А она и не торопится, зная, что живое растет незримо, как растут наши дети, – вроде и незаметно, пока вдруг не ахнешь: и когда успели!

Вот и сейчас, оглядываясь на документальные картины «Невского благовеста» (на «Спас-Камень» А. Гуркаленко, на «Спас на Холму» иеромонаха Силуана, на «Возрождение» А. Баранова, на «Два храма» Н. Трубольцевой), на то, как полны и радостны аудитории фестиваля, хотя это не кинозалы, а храмы и духовные центры, я со смятенной радостью думаю: когда успели?

Растет и на глазах, молодеет «народ Божий» (молодеет, молодеет – это я уж от стариковской брюзгливости ввернул, что молодым не до духовных забот), яснее видит духовные векторы, спасает землю и детей пока только храмами и монастырями, а там, глядишь, подтянутся и власть, и жизнь. И не надо будет заклинать себя словами «стратегия» и «инновация», а только видеть человека под родным небом на родной земле, не «гражданское общество», не продавцов и охранников, на которых мы поделились, а общину, народ, как путь и задачу, и на месте всех эльдорадо и максимумов «сами собой» снова встанут заводы другой силы и крепости.

Почва-то уже готова, и семена брошены здоровые. Только бы опять не забыть, что были наши семена в истории и на камне, и при дороге, и в тернии, и не повторить бы прежнего горького опыта, следить за почвой души – и доживем и до урожая.

Псков



Анастасии в Кузнецках



Воскресения со Стадица



Воскресения Христова в Орлецах



Василия Великого на Горке

Фото Евгения Борисова

Аксиос, отец Александр!



Владыка Марк крестообразно срезает четыре пряди волос – знак посвящения в священнослужители

Четыре года назад в нашем журнале был опубликован очерк «...И прожит день не зря». Начинался он так: «Как правило, он приходит в храм задолго до начала утренней службы, даже раньше настоятеля. Особой необходимости вроде в этом нет, однако так уж сложилось давно, да и отвечает это его характеру – все делать загодя, неспешно и, главное, обстоятельно... Человек этот не настоятель храма, и даже не дежурный священник, и даже не диакон...». И вот тут нужно оборвать цитату. Потому что последнее теперь уже не соответствует действительности.

12 февраля нынешнего, 2013 года викарий Святейшего Патриарха архиепископ Егорьевский Марк рукоположил в сан диакона Александра Васильевича Корновяна, героя того самого очерка. Это, к слову, первая хиротония в храме иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине за все время его существования. Поначалу Александр Васильевич был обычным прихожанином. Но с годами все больше срастался с храмом, и настоятель о. Георгий Полозов стал все чаще останавливать на нем свой внимательный взгляд. Его стали видеть то с подносыком для пожертвований, то читающим записки, а потом началась настоящая служба алтарником. И хотя Александр Васильевич не оставлял своей профессии стоматолога, а для многих прихожан это было просто

Теперь Коле предстоит называть дедушку «Отец диакон». Но эта премудрость дастся легко: внук уже прислуживает в алтаре



Фотография на память (слева направо): протоиерей Симеон Лев, иерей Александр Михеев, протоиерей Георгий Полозов, архиепископ Марк, диакон Александр Корновян, протоиерей Сергей Куликов

спасением, чувствовалось: человек всей душой устремлен к Богу.

И вот этот день настал. Божественная литургия. Александр Васильевич в алтаре. Прочитан евхаристический канон. Владыка Марк произносит: «И да будут милости Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами». Начинается хиротония. Читаются необходимые тропари, молитвы. И наконец трижды звучит долгожданное «Аксиос!» («Достоин!»). Возлагается на нового диакона орарь, повязываются поручи, вручается рипида. Отныне, дорогой Александр Васильевич, вы – отец Александр. Помогите нам Господи!

«Остров Пасхи»

Великий пост с маленькими детьми

— У х ты, еще одна белая сегодня! Да ты просто молодчина!

Пятилетняя Анна приклеивает маленькую белую рыбку на нарисованное гуашью море и хлопает в ладоши. Это наше «море житейское» – великопостный календарик, на котором мы отмечаем каждый прожитый день. На море семь островов, по числу воскресений Великого поста. Каждый остров подписан печатными буквами, чтобы всегда можно было самостоятельно прочесть, о ком Церковь вспоминает в эти дни. От острова к острову плывет маленький бумажный кораблик, который каждое воскресенье мы передвигаем все ближе к «острову Пасхи». «Церковь – это кораблик, на котором Христос – капитан». Этот образ очень нравится моим детям, которые частенько играют дома в мореплавателей.

Между нарисованными островами плещутся большие и маленькие рыбки, осьминоги и прочие морские существа. Однажды, перед самым постом, Анна сказала: «Мама, я больше не хочу капризничать! Никогда!». Решительно так сказала. Чувствовалось, что выношено это решение внутри. Ей еще не надо на исповедь, батюшка пока причащает, как маленькую, а душа, видно, уже запросила большего. И тогда мы решили, что вечером будем отмечать на календарике, как прошел день – с капризами или без. И придумали этих рыбок. Белая – значит, хороший день. Разноцветная – когда все попеременно: и капризы, и послушание, и помощь по дому, и стычки с братом. А черная рыбка – грустный, скверный день. Такие тоже, к сожалению, случаются в нашей жизни. Пока Анюша рисует очередную рыбку, у нас есть время поговорить о том, каким был день. Анна старается изо всех сил. Сколько раз бывало – вроде бы уже готова раскапризничаться, нагрубить, но вдруг вся как-то напрягается, словно собираясь с силами, и останавливается.

Многие православные родители говорят, что пост для ребенка – вообще не проблема, если постится вся семья. Это правда. Но как он должен быть устроен, этот детский пост изо дня в

день? Гастрономическую сторону мы сразу дружно оставили до лучших времен – пока дома один за другим подрастают малыши, да еще и мама кормит младенца, мне кажется, нет смысла отдельно говорить об этом вообще. Убрали из холодильника колбасу, йогурты, сладкие творожки, конфеты и яйца, добавили в меню чечевичный и грибной суп. Оказалось, вполне достаточно, чтобы почувствовать, что пост есть. Но ведь пищевая сторона поста – совсем не главное, нужно, прежде всего, напрягаться душой. Возможно ли это малышам?

Маленькие дети мыслят образами и через картинки очень легко воспринимают даже сложные вещи, вот мы и сочиняем каждый год новый великопостный календарик-образ. Конечно, это никакое не «домашнее богословие», а скорее сюжетная игра по картинке, с помощью которой смысл поста и Пасхи легко улавливается. Каждый раз у календарика новая «легенда», в которой ребенок находит для себя место, проживает ее в душе, как это бывает в игре в принцев и принцесс, в доктора, в школу, и принимает пост как часть своей, а не только семейной жизни.



Все те же (сверху вниз): Макарий, мама Лена, Анна, Дмитрий
Фото Дмитрия Шеварова

Когда Анюша была совсем маленькой, мы строили вместе «пасхальный мост» из пластилина. «Пост – это дорога, по которой Бог и человек идут навстречу друг другу». Очень понятно. Анюша так и говорила: «Мама, мы идем вместе по Божьей дороге». И еще частенько в тот самый первый дочкин пост (ей тогда исполнилось четыре) вспоминалась старинная пасхальная загадка: «Стоит мост на семь верст, позади моста – золотая верста». Каждый день добавляли к мостику очередное бревнышко, и ждать

праздник становилось легче. Кстати, заодно Анна научилась считать до пятидесяти.

Через год присоединился братец, и вместе мы рисовали гору до неба с каменной тропинкой вверх. И опять каждый день выкладывали по камушку. А теперь вот – «море», с выделенными на нем неделями Великого поста. Сыннок читает громко по складам: «И-о-анн Лест-вич-ник». И спрашивает: «Мам, а кто это – Иоанн Лествичник?». Пока мою посуду, немножко говорим о святых, память которых совершается постом. Потом, в подходящее воскресенье, я могу еще раз специально рассказать об этом, но дети уже и так кое-что запомнили, задавая свои вопросы. Страшно переусердствовать – и с объяснениями, и с постными ограничениями, но и оставить «на потом», когда дети станут старше, не хочется. Малыш впитывает сейчас мимоходом очень многое, а потом для этого потребуются специальные усилия. Но какова может быть мера духовного усилия у малыша? Вот и взвешиваешь, как крупинки на аптекарских весах. Труд поста – это для взрослых. А детям пусть он запомнится как новая, особенная, но все-таки радостная жизнь. Что наши дети любят больше всего? Рисовать, играть, читать, гулять. Все это как можно больше и делаем дома постом, отрываясь от хозяйственных и прочих забот. Пусть пост будет для нас временем, когда мы как-то особенно рядом друг с другом.

Жизнь наполнилась маленькими ежедневными сюрпризами. В Чистый понедельник за завтраком – овсянка не на молоке, а на воде, и финики с яблоками. «Мама, почему?». Потому что пост пришел, милые мои! «Ура! Скоро Пасха! А какой мы будем делать календарик?». Уплетают кашу с большим аппетитом, чем в обычные дни. После завтрака – грандиозная уборка во всем доме, а потом застилаем стол старыми газетами и переодеваемся в старые рубашки. Макар красит, Аня вырезает и клеит, Митя глядит на все это с интересом, а я вдохновляю и помогаю. Торжественно вешаем свеженарисованный календарик на стенку в кухне – вот и наступило новое время.

Вечером, перед сном – «дежурство по мультикам» и чтение понемножку Евангельских историй в замечатель-

ном пересказе Майи Кучерской. Это бывает каждый Великий пост. Над просмотром мультиков долго ломали голову. Что с ними делать? Совсем перестать смотреть – нашим малышам такая мера пока непонятна и непосильна, хотя они и в обычное время проводят у экрана телевизора не больше получаса в день. Неожиданно придумалось это «дежурство», когда дети по очереди выбирают из домашней фильмотеки один небольшой мультик. И оказалось, найдена та самая «золотая середина» – ни много, ни мало, а как раз. Да еще и двойная получилась польза – тот, кто дежурит, старается подобрать мультик, не только учитывая свои интересы. Чем не настоящий постный труд для маленького ребенка?

Рисуем, клеим и лепим почти каждый день – к Пасхе нужно сделать много подарков друзьям и родным. Однажды рассматривали с детьми альбом с репродукциями прекрасных византийских мозаик. «Мама, смотри, Бог босиком!» – кричала в восторге дочка. И без конца требовала показывать снова и снова райских птиц, деревья, рыбок, Спасителя с Адамом и Евой. Конечно, тут же захотелось попробовать самим сотворить нечто похожее, пусть и самое простое, например, рыбку или книжную закладку. Оказалось, очень легко, доступно даже трех-четырёхлетним малышам, при условии, что взрослые будут рядом и позаботятся о том, чтобы ножницы были достаточно острыми, а клей – свежим. Взяли два листа плотной белой бумаги и разрисовали в стиле «каляки-маляки». Один – всеми возможными оттенками моря, другой – вообще как угодно. Разрезали листы на мелкие квадратики (примерно, в квадратный сантиметр) – и мозаика готова.

Контур рыбки можно нарисовать карандашом, а если ребенок совсем маленький – выложить за него из мозаики, предоставив ему возможность заполнять потом контур самостоятельно. Теперь надо только запастись хорошим клеем, тряпочкой, одноразовыми бумажными тарелками и терпением. Примерно за неделю, приклеивая квадратик за квадратиком, мы изготавливали одну мозаику (можно вместо тарелки просто вырезать кружок из плотной бумаги и наклеивать на него, но тарелка все-таки красивее). По краю круга и по краю рыбки обязательно наклеиваем черные квадратики – получается яркий контур, выделяющий изображение. Очень хорошая работа для постных дней – можно сесть всем вместе за стол и не спеша клеить и разговаривать обо всем на свете. Например, как всегда, заодно, за работой рассказала ребятам о символике христианского искусства, ведь рыбка – это образ Христа. И первые христиане носили на шее изображения маленьких рыбок, как мы сейчас носим крестики. Дети мгновенно запоминают такие вещи. И очень ценят такое общение, просто светятся радостью. И кроме того, к Пасхе будет готово много оригинальных подарков ручной работы.



Пластилинный букет



Гора Великого поста



Мозаика-закладка

Образ Боговоплощения

История возникновения и богословское значение иконы Пресвятой Богородицы «Млекопитательница»

В двухтомном труде Е. Поселянина «Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон» названо около одной тысячи образов Пресвятой Девы. Но едва ли можно утверждать, что это абсолютно полный перечень. Так же как нельзя сказать, что какая-то одна икона «главнее» других. Просто есть особо известные и почитаемые. Об одной из них – наш рассказ.

Первые иконы Богородицы с Предвечным Младенцем, по преданию, написал сам апостол Лука, получив личное благословение Пречистой Девы Марии еще при Ее жизни. Многие из икон, посвященных Матери Спасителя, становились чудотворными и целбноносными по особой благодати нисшедшего на них Святого Духа и по вере богомольцев, припадающих к ним. Это известные и всенародно почитаемые в нашем отечестве образы Пресвятой Богородицы «Владимирская», «Казанская», «Иверская», «Иерусалимская», «Знамение», «Неупиваемая Чаша», «Живоносный Источник»... Особое и почетное место в этом ряду занимает икона Пресвятой Богородицы «Млекопитательница». Ведь только на ней иконописец дерзнул изобразить сокровенный процесс кормления Богомладенца Христа молоком от груди Матери Своей, Приснодевы Марии.

Самое древнее изображение Кормящей Девы Марии, дошедшее до наших дней, символически высечено на одной из стен в развалинах Фаюмского лабиринта в Египте, где христиане первых веков тайно совершали богослужения. В Египте же, а также на Синае существует почитаемая легенда, что Божия Мать однажды оживила каплей Своего грудного молока умирающего младенца, сына местного разбойника. Хорошо сохранились некоторые фрески Кормящей Богородицы в византийских храмах уже VI–XII веков в Италии, Сирии и Греции.

Композиция иконы, показывает историю христианства, как правило, возникает в защиту и подтверждение того или иного вероучительного догмата. Что же волновало Церковь в середине первого тысячелетия, когда и появился образ Богородицы Млекопитательницы? Это – догмат Боговоплощения, то

есть неслитного и нераздельного соединения в Иисусе Христе двух естеств, Божественного и человеческого.

В раскрытии правильного понимания этого основополагающего догмата огромна заслуга римского папы Льва Великого. По его инициативе в середине V века в Халкидоне был созван IV Вселенский собор архипастырей церкви против ереси монофизитов. Они считали, что человеческая природа Христа растворилась в природе Его Божества, потеряв Свое бытие. Стало быть, все страдания Господа на Кресте были мнимыми, а не реальными, а значит, и нам страдать и ограничивать себя ради своего спасения не обязательно. Это заблуждение нашло широкий отклик среди христиан, особенно придворных чиновников и вельмож, вплоть до самого императора и патриарха. Ни больше ни меньше!

В конце V и начале VI веков одним из главных защитников постановлений Халкидонского собора был палестинский игумен Савва Освященный, наместник основанной им на западном берегу Иордана в безжизненной и скалистой долине Кедрон монашеской лавры. Он понимал, как нужен был тогда верующим, в основном людям неграмотным, мощный и убедительный визуальный образ человеческой природы во Христе. И можно с уверенностью утверждать, что по вышнему откровению Самой Пречистой Девы Марии, которая не раз являлась этому святому, именно преподобный Савва первым благословил изобразить на иконе такой образ Боговоплощения, который бы наглядно и понятно являл каждому факт вочеловечения Бога-Христа. Ведь не обладающий еще собственной волей младенец не может мнимо питаться грудным молоком своей матери или делать только вид, что он голоден, как

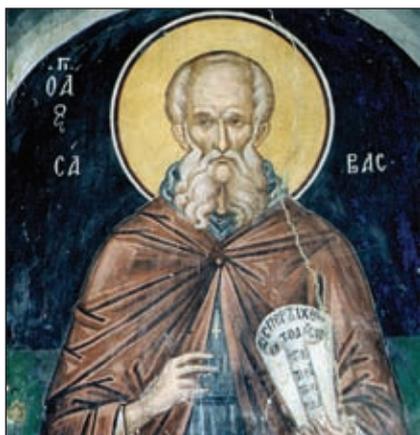


Предтеча иконы Галактотрофуса. Каменный барельеф в Фаюмском лабиринте. II–III века

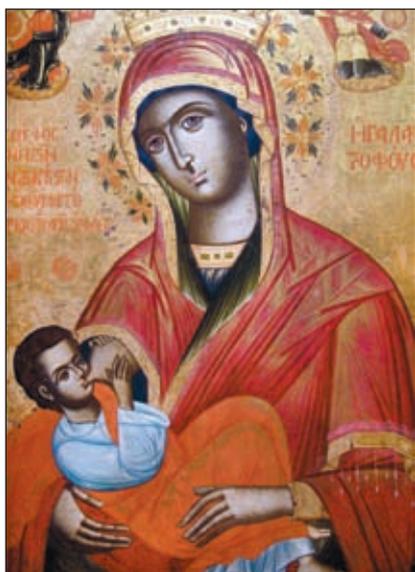
считали еретики. Так, по преданию, появился образ Кормящей Богоматери, Млекопитательницы, по-гречески именуемой Галактотрофуса.

Образ получился настолько выразительным и благодатным, что не только христианские богословы находили перед ним неизреченный ответ на свои религиозные сомнения, но и многие, приходящие с верой и молитвой к Божией Матери, стали получать удовлетворение в просимом и искомом. Монахи-отшельники укреплялись против плотской брани, жены-христианки разрешались от бесплодия, их мужья становились верными и любящими супругами, дети получали исцеления от болезней, архипастыри же церкви видели метафорический образ того, как нужно духовно служить людям, как окормлять верных чад своих – с любовью и заботой Матери Предвечного Младенца. К сожалению, мы не знаем, как точно выглядела та икона, но можем лишь догадываться по более поздним ее спискам.

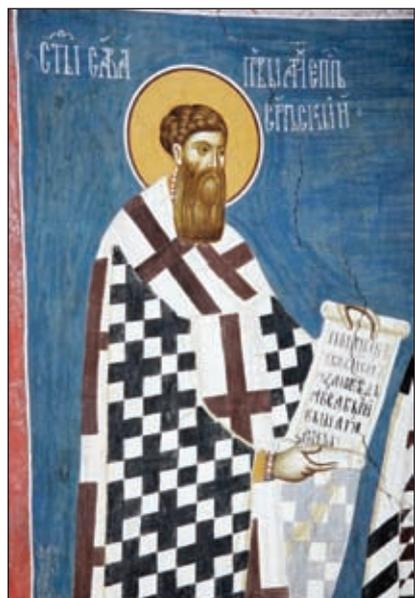
Судьбу первоначального образа, по преданию, определил сам преподоб-



Преподобный Савва Освященный первым благословил создать образ Млекопитательницы



Афонская икона. XVI век



Святой Савва Сербский принял икону по благословению своего небесного покровителя

ный подвижник, благословив братии передать икону в руки некоего одного с ним имени царственного паломника, который однажды прибудет в монастырь. Спустя почти семь веков, примерно в конце XII столетия, на Святую Землю прибыл для поклонения Гробу Господню и другим святыням молодой монах, будущий первый архиепископ Сербский Савва, сын царя Сербии, отказавшийся ради монашеской жизни наследовать царский престол. Когда он молился в лавре своего тезоименитого покровителя, стоявшая икона Богородицы «Млекопитательница» наклонилась перед ним несколько раз, а игуменский жезл, прислоненный к гробу преподобного, неожиданно упал. Монахи обители расценили это как знак исполнить пророчество своего святого игумена и торжественно передали в дар пришельцу и этот образ, и икону Богородицы «Троеручица», которую в VIII веке привез из Дамаска святой Иоанн Дамаскин.

Обе иконы и игуменский жезл Савва Сербский перевез на Афон, в основанный его отцом в том же XII веке в честь Пресвятой Богородицы сербский монастырь Хиландар. Первая из подаренных икон стала личной келейной иконой святого. День обретения ее монастырем и стал днем празднования образа «Млекопитательница» – 25/12 января. И в этот же день в 1237 г., причастившись Святых Христовых Таин, святитель Савва Сербский мирно отошел ко Господу.

На русскую землю список иконы «Галактотрофуса» впервые привезен в 1392 г. из итальянского города Бари, где он находился при гробе с мощами святителя Николая, архиепископа Мирликийского. Образ был торжественно поставлен в Благовещенском соборе Московского Кремля напротив царского места и благозвучно переименован в «Блаженное Чрево»: вспомним возглас женщины, обращенный ко Господу: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» (Лк. 11:27).

Другое обретение иконы состоялось в 1650 г. в урочище Крестогорск Минского уезда. Образ обнаружили на высоком дереве в двадцати верстах от Минска. Впоследствии на этом месте был построен храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, где и хранилась та чудотворная икона, исцеляющая

многих по молитвам к Божией Матери. В советское время храм был разрушен, а икона исчезла, как и образ «Блаженное Чрево» – из Московского Кремля. Сохранились лишь некоторые их списки. К сожалению, догматический образ и поныне ошибочно понимается в России лишь как икона «помогающая благополучному вскармливанию младенцев».

Появление у нас в XIX в. новых списков с чудотворной иконы связано с русским афонским скитом в честь Ильи пророка, где с первых дней основания обители имелась своя миниатюрная икона, список с хиландарского прабобраза. В 1848 г. настоятель скита благословил схимонаха Игнатия поехать с этим образом в Россию за сбором пожертвований для обители. Были зафиксированы многочисленные случаи чудесных исцелений от болезней по молитвам верующих пред этой иконой в Харькове, Туле, Москве и других городах.

Но самое удивительное чудо произошло в Москве с неким благочестивым гражданином, когда икона была привезена в столицу и помещена в храм Богоявления, что на Елоховом поле. Василий Иванович Макарухин, который имел большое прибыльное дело по изготовлению церковной утвари, решил употребить все свое состояние для основания мужского монастыря в честь этого образа. Так оно и случилось впоследствии – недалеко от города Тула в местечке Щеглово. Освящение главного храма во имя иконы Пресвятой Богородицы «Млекопитательница» произошло 8 сентября 1864 г. Основатель монастыря со временем принял там же схиму с именем Варсонофий и в 1890 г. мирно отошел ко Господу.

В советское время монастырь был закрыт, разграблен и практически разрушен, как и многие православные обители нашего отечества. Чтимая монастырская икона, написанная на Афоне в 1859 г. по заказу В.И. Макарухина, исчезла. Но сегодня Богородичный Щегловский мужской монастырь с помощью Божией вновь восстановлен краше прежнего и насчитывает уже несколько прекрасно отстроенных храмов, являясь единственным пока уделом иконы Богородицы «Млекопитательница» в России. Основатель монастыря ныне причислен к лику святых.

В знаменитом патриаршем соборе Богоявления на Елоховом поле в Москве находится ныне самый почитаемый в столице еще один список иконы из Ильинского скита. В 1894 г. его преподнес в дар храму настоятель скита архимандрит Гавриил в память о двухмесячном пребывании там чудотворного образа из обители.

Сегодня нам по-прежнему нужен в церкви мощный и убедительный образ Радости Спасительного Боговоплощения, Материнства и Целомудрия, Христианского Самоотвержения и Духовного Окормления, дабы противопоставить его всеобщей пропаганде материального обогащения и плотских утех. Безмерный комфорт и бесчисленные развлечения стали главными неомонофизитскими идолами современности, служа которым, люди растлевают и губят свои бессмертные души.

Известно, что в Свято-Покровском женском монастыре в Хотькове покоятся мощи родителей преподобного Сергия Радонежского. Но все ли знают, что именно там с 2008 г. находится копия чудотворного образа Хиландарской Богородицы «Млекопитательница»? С любовью и благодарностью от всего сербского народа ее передал в дар нашей Церкви митрополит Черногорский Амфилохий за духовную и материальную помощь в трагичные для Сербии годы. А ведь святые Кирилл и Мария издревле почитаемы у нас как покровители благочестивого супружества. Воистину нет ничего случайного у Господа!

В ночь с 3 на 4 апреля 2010 г. в храме Христа Спасителя Президент России передал в дар недавно избранному Патриарху Кириллу точный список с того же древнего образа – как символ и образец духовного окормления и попечения. А почти год спустя, 20 февраля 2011 г., еще один такой же образ с Хиландара был подарен руководством Центрального федерального округа возрожденному Троицкому собору Ипатьевского монастыря в Костроме. Напомним, что древний Ипатьевский монастырь служил главным местом поклонения Господу Богу царского рода Годуновых и стал колыбелью Дома Романовых.

Уже третий раз за последние пять лет осеняет Московскую Патриархию Пресвятая Богородица благодатным

покровом Своей иконы «Млекопитательница», знаменуя новую эпоху в прославлении этого чудотворного афонского образа в отечестве нашем. И если в прежние века христианства эта икона была любима в основном ревностными монахами и отшельниками, то сегодня настает такое время, когда именно благочестивые миряне нуждаются в особой благодати и помощи этого образа.

О, если б с самого раннего детства в каждой верующей семье любой ребенок мог постоянно видеть перед взором своим прекрасный и вдохновенный образ Божией Матери Млекопитательницы и всегда молился бы перед ним, то никогда бы ни одного юношу не захлестнул бы такой всепоглощающий блуд и разврат, какой мы видим сегодня среди молодежи, ни одной девушке никогда бы не пришла на ум мысль о множественных абортках своих или о том, чтобы бросить в детдоме новорожденного ребенка. Им бы на всю жизнь запомнилось и запечатлелось в сердце, что предназначение женщины не в том, чтобы быть объектом вожделения и плотских утех, а прежде всего в том, чтобы стать единственной женой и заботливой матерью, кормилицей собственных детей. А что может быть возвышеннее и прекраснее для благочестивых людей в их мирской жизни, чем чадородие и воспитание детей своих в православной вере?! Какое произведение искусств или другое деяние рук человеческих может с этим сравниться?

Спасение возможно для души лишь того человека, который увидит и поймет, что он погибает без Бога и помощи Его, что сам он своими силами не может не только стать кем-то совершенным, неким божественным существом, но и просто остаться человеком уже не может. Образ же Божией Матери «Млекопитательница» научает нас тому, что как беспомощному младенцу невозможно выжить без постоянного кормления его особым материнским молоком, так и заостеневшей душе человека невозможно спастись без того, чтобы не принимать постоянно пищи духовной, благодатной помощи Господней.

*Автор-составитель – художник
Дмитрий Ломанов (www.lomart.ru),
консультант – священник
Александр Бабушкин*



Список с иконы Блаженное чрево из Московского кремля. XV век



Современная Хиландарская икона из Хотьково



Икона из Тихвинского монастыря в Екатеринбурге

Главное измерение отца Левана

Грузия и Россия. Россия и Грузия. Как в математическом каноне: от перемены мест слагаемых... Именно так: сумма взаимной любви между нашими народами неизменна и не зависит от прихотей политиков, от их скудо- или многоумия, от собственного понимания ими того, как следует жить и строить отношения между людьми.

Сегодня «Лампада» в теплом и родном Тбилиси, в доме отца Левана Матешвили – храме великомученика Георгия.

– Вы, батюшка, доктор исторических наук и в то же время священник. То есть живете как бы в двух измерениях – научном и религиозном. Одно другому не мешает?

– Измерение у меня одно – религиозное. А к историкам я приписан потому, что у нас в науке нет самостоятельного теологического направления. Так что это вопрос формы, а не содержания.

– Я, собственно, и не намеревался исследовать с вашей помощью исторические пласты, но не спросить не мог. Что вы можете сказать о современном состоянии православия в Грузии? Если иметь в виду общее впечатление.

– Хотелось бы наблюдать более благополучную картину. Реальность такова, что дух мира сего, дух нынешнего века воздействует на души людей.

– Что вы называете духом мира сего?

– Я имею в виду постмодернизм¹. Он не способствует росту числа прихожан. Но я бы не считал этот фактор единственной причиной. Общество очень политизировано, я бы сказал – сверх меры. Я не сторонник того, чтобы люди уходили из общественной жизни, в том числе и верующие, но впускать политические страсти в себя так глубоко, как происходит сейчас, делать их чуть ли не главным содержанием жизни – это и не по-божески, я имею в виду евангельское учение, и просто не по-житейски.

– Что вы имеете в виду, говоря «не по-божески»?

– Откройте Евангелие от Матфея, главу 16, стих 26: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе

¹ «Лампаде» (№ 3, 2011) уже доводилось затрагивать это понятие: «Постмодернизмом в современном контексте можно, в частности, назвать сознательное, демонстративное, а порой и вульгарное отвержение Божественных установлений и даже противодействие им в любой из сфер человеческого бытия.

своей повредит?». Из слов Спасителя вывод только один: никакие земные сокровища, никакое благосостояние не стоят того, чтобы пожертвовать ради них благополучием души. Что уж говорить об эфемерных «доходах», которые может принести человеку политическая или иная общественная деятельность, а вред при этом будет нанесен несомненный? Весь исторический опыт учит: занятие политикой развивает в человеке отнюдь не лучшие качества. Напористость, изворотливость, хитрость, неискренность – христианство, а вслед за ним и общечеловеческая мораль не относят эти качества к добродетелям, а в политике, между тем, без них не обойтись. Простодушным, прямым, честным в политике просто нечего делать. Потому что политика – это игра, а в игре несколько иные правила, чем в жизни.

– Однако политика все равно существует, и люди все равно будут заниматься ею.

– Разумеется. Но, во-первых, людям не следует отводить ей такое значительное место в жизни и, во-вторых, политический нравственный кодекс, я бы назвал это так, не должен сильно отличаться от общечеловеческого. Видите, я умышленно не употребляю слово *христианского*, чтобы атеисты не могли считать себя свободными от его требований. В принципе, политика, особенно ее нестабильное состояние, дурно влияет на нравственное состояние общества. Значит, влияет и на Церковь.

– А разве не должно было бы быть наоборот – чтобы церковь влияла на состояние общества?

– Конечно, в идеале должно быть так. И так бывало в истории. Но сегодня изменились многие приоритеты, изменилась шкала ценностей. Секулярный мир говорит сегодня в полный голос. Конечно, это не фатально, потому что, как известно, врата ада не одолеют Ее. Все церкви в Тбилиси и вообще в Грузии заполнены людьми. Можно сказать даже,



что имеет место возрождение – строятся храмы, открываются монастыри... Так что с количественной стороны все вроде в порядке. Однако я назвал бы это фасадной стороной вопроса.

– В современной Грузии власти вообще уделяли повышенное внимание фасадной стороне. Так обычно бывает, когда важным считается не то, как живет народ, а как это выглядит со стороны.

– К сожалению, такое имело место. То же можно сказать и о качестве нашей веры. Желательно, чтобы оно было выше.

– Как, наверное, вообще любое качество.

– Совершенно верно. Но я думаю, что это – проблема не только Грузинской, – вообще любой земной православной церкви во всем мире. Церковь – это ведь живой организм. А все живое неизбежно подвержено воздействию как хорошего, так и плохого. И тот же дух секуляризма одинаково соблазнителен и всепроникающ всюду. И, к сожалению, процесс этот необратим. И чем дальше мы идем, тем больше наблюдаем упадок нашего общего духовного состояния.

– То есть вы это никак не связываете с какой-то конкретной церковью.

– Нет. Хотя так называемый местный фактор тоже нельзя сбрасывать со счета.

– Вы имеете в виду светскую власть?

– Да, я говорю как раз о ней. Если верховный правитель не только сам ве-

рующий человек, но и не скрывает этого, ему неизбежно будет следовать его «истэблшмент», а дальше начинает действовать принцип «кругов по воде». И, соответственно, наоборот: если правитель богоборец... ну, и так далее. К сожалению, такова наша испорченная человеческая природа. Когда мы, я имею в виду моих соотечественников-грузин, видим определенную норму поведения представителей нашего правительства, речь идет не о политике – о явлениях морального порядка, это неизбежно накладывает отпечаток на людей, хотя бы частично, но моделирует их общественное поведение. Видя, что творится вокруг их и над ними, они тоже начинают жить по таким же лекалам. Это, разумеется, лишь один из факторов, его нельзя назвать определяющим, но он присутствует всегда, действует непрерывно и уже хотя бы по этой причине заслуживает того, чтобы с ним тоже считались. Нравственный компонент власти существовал всегда.

– А что вы отнесли бы к числу решающих факторов, тех, которые оказывают самое сильное воздействие на души людей?

– Не беру на себя смелость распределять между ними «призовые места». Но могу со всей ответственностью сказать, что один из главных – это состояние клира, – нас, батюшек, которые постоянно и непосредственно общаются с людьми.

– В Грузии, во всяком случае до последнего времени, активно пропагандировались западные стандарты жизни, особенно – американские. Не ощущается эта тенденция и в церковной жизни? То же протестантство?

– Я не сказал бы, что так уж пропагандируется у нас западный образ жизни. Есть некоторое стремление внедрить в наше сознание, что американские стандарты – лучшие в мире и нужно перенимать именно их. Потому что это концентрация лучших экономических, политических и моральных ценностей. Лучший образец свободы. Но попытки американизации грузинского народа не носят, на мой взгляд, тотальный характер. Если говорить всерьез, то в американском образе жизни не все так уж плохо. Прежде всего, он основан на крепкой морали. Пусть эта мораль отличается в чем-то от нашей, но главное – они стараются придержи-

ваться ее, хранят ей верность. Я всегда говорю, например, что Америка – самая религиозная страна в мире. А возьмите институт семьи. Они относятся к нему как к святыне. Будь то президент страны или самый простой, рядовой американец. «Вестернизация» Грузии если и наблюдается, то происходит она, скорее, по местной матрице.

– Что вы имеете в виду?

– Под местной матрицей я имею в виду идеалы наших либералов: это в соответствии с их представлениями об американском образе жизни они хотят перекроить нашу жизнь. Но как раз к этому обществу относится довольно скептически. Разумеется, среди нецерковных людей им проще заниматься пропагандой: там нет того духовного иммунитета, который дает нам православие.

– А как те, кто с иммунитетом? Количество людей, приходящих в церковь, не становится меньше?

– В данный момент – нет. Конечно, это не сравнить с девяностыми годами – тогда люди шли в храмы буквально потоком. Сказывался духовный голод советских времен. Но когда человек перестает есть, это не значит, что он вообще отказывается от пищи, – он всего лишь утолил голод. То же, я бы сказал, произошло и у нас в церкви. Прежнего наплыва нет, но нет и обратной волны. Важно, чтобы это положение сохранилось.

– А что, по-вашему, подвигает людей приходить в церковь сейчас?

– Думаю, что и сейчас, и всегда людей приводят в церковь неординарные и самые разнообразные причины. Ведь каждый человек уникален – значит, уникально и все, что с ним связано. Но поиск человеком Бога, обретение Его, приход в Церковь – все это, на мой взгляд, равно присуще всем людям и не зависит ни от специфики страны, нации или политического устройства. Грузия в этом смысле не исключение. Если человеку больно, одиноко, грустно, если он не может найти ответ на сложные вопросы бытия, не имеет значения, в каких географических координатах он находится.

– Вы говорите так, опираясь и на личный опыт? Что, допустим, побудило конкретно вас к этому шагу? Насколько я знаю, вы были поначалу далеки от Церкви?

– Да, поначалу я был далек от той Церкви, где пребываю сейчас. Я не был атеистом, всегда верил в существование Бога, Он присутствовал в моей душе, но было бы преувеличением сказать, что я жил по-церковному.

– Вы имеете в виду обрядовую сторону церковной жизни?

– Нет... Это другое... Попробую сформулировать... Я сказал, что Бог всегда жил в моей душе, и это правда. Но Он... как бы вам сказать... Он жил как-то сам по себе, а я – сам по себе. Как будто Он снимал в моей душе угол, только и всего. Я понятно говорю?

– Продолжайте.

– Я всегда чувствовал Его присутствие, но не могу сказать, что это сильно на меня влияло. Но я чувствовал, что в этом был виноват не Он.

– А кто?

– Я! Кто же еще? Помните, как сказано в Евангелии? «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему...» (От. 3:20). Если кто услышит голос Мой... В этом весь смысл отношений человека с Богом. Господь всегда готов прийти к человеку, поэтому Он стоит у двери и стучит. Стук этот не громкий, Господь никогда не кричит. А вот войдет Он только к тому, кто откроет Ему себя, свою душу. Кто проявит желание и волю. Да, да, – и волю тоже...

– Царствие Небесное нудится трудом?

– Именно!

– И когда же вы эту волю проявили?

– Когда я оставил свою мирскую жизнь. Сейчас кажется невероятным: я был ди-джеем в диско-клубе! Очень любил весело и шумно проводить время. Словом, как я жил – не помогало моей душе. Это теперь я понимаю: время не нуждается в том, чтобы его проводили, оно идет само себе. А нам – дай Бог успеть за ним!

– А что такое – успеть за временем?

– Наполнить каждую его частичку чем-то полезным для людей, а это значит, и для себя. Но сделать это без Бога, без того, чтобы Его найти, – невозможно. И я стал читать Евангелие, творения святых отцов... А потом мне стали встречаться совсем не случайные люди (теперь я знаю: мне их посылал Господь). Они... как бы это сказать...

помогли мне почувствовать дорогу под ногами. Проще говоря, они вразумили меня и наставили на путь истинный. Но самой главной мотивацией моей было познание Истины, познание Бога.

– **И, наверно, служение Ему.**

– Естественно. Каждый, кто верует в Бога, уже тем самым служит Ему. Просто формы этого служения могут быть различными.

– **Но то, что вы сделали потом, уже находясь на стезе служения Господу, – очень решительный шаг. Я имею в виду принятие вами священства.**

– У меня получилось точно, как говорил Христос: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10: 35). Ушли прежние знакомые, изменилось общество, где я проводил свою жизнь. На какое-то время я даже оказался в изоляции. Это было несколько неожиданно для меня, но я нисколько об этом не жалел. Постепенно стал меняться состав знакомых, круг общения, образ жизни сделался церковным. Это было решительным, но не внезапным шагом. Потому что я совершил его, как бы постепенно готовясь к нему, через личный опыт. Скорее всего, со стороны это не было видно, поэтому у многих, кто знал меня, это вызвало шок.

– **В чем для вас была самая большая трудность?**

– Изменить свою ментальность. Переработать в душе и в уме прежние представления о жизни, о мире, о том, что главное, а что – нет. Порой даже книги в доме трудно расставить в шкафу по-новому – что уж говорить о том, что у тебя внутри, с чем ты сжился, к чему прирос?

– **А что было самым легким?**

– Возможно, вы удивитесь, но самым легким, во всяком случае для меня, было отказать от грехов, которые обычно сопутствуют нашей мирской жизни. Люди, далекие от веры, ошибочно считают, что очень трудно, например, соблюдать пост или какие-то другие требования церковного регламента. Но это – внешняя, поведенческая сторона бытия. А вот переработать себя внутри, перемолоть... Воспитать в себе человека, который может контролировать свои страсти, контролировать свои негативные эмоции, владеть собой. Вот что самое трудное для нашей греховной природы. Я, конечно же, не достиг этого

состояния, но какие-то шаги на пути к нему все же удалось сделать.

– **И вы начали этот путь с учебы?**

– Да. Потому что, когда ищешь Бога, нельзя надеяться только на интуицию или на какое-то чудесное озарение. Такое, конечно, возможно, но это, скорее, Божия милость, о ней можно просить, но надо действовать и самому. Стучите – и вам отверзется.

– **Легко сказать! Стучите – это, в частности, занимайтесь и самообразованием. Читайте старцев, современных богословов... Много духовной литературы на грузинском языке?**

– Это такой большой вопрос... Сейчас стало побольше, а когда я учился, ее катастрофически не хватало. Сегодня есть доступный Интернет, сайты, все порталы мира. Сегодня нет проблемы с получением информации.

– **Вы хорошо владеете русским, так что вам легче. Но, наверно, языковой барьер все же существует, особенно в глубинке. А как обстоит у вас с батюшками? К ним-то стучаться нужно в первую очередь. Достаточно их или не хватает?**

– Конечно, батюшек стало больше. Но их хватает лишь на то, чтобы окормлять уже воцерковленных людей. А если бы, допустим, весь народ Грузии вдруг стал православным, не хватило бы ни этих храмов, ни этих батюшек. Вы понимаете, о чем я говорю? Ресурсов для дальнейшего воцерковления практически нет.

– **А такая потребность существует?**

– Наверно, да. Я говорю так осторожно потому, что проблема эта не лежит на поверхности. На поверхности лежит, что сегмент явно воцерковленного населения очень мал, процентов пять-семь. Во всем мире, да в той же Америке, если ты христианин – значит, ты каждое воскресенье ходишь в храм, присуствуешь на литургии, выполняешь другие правила церковной жизни. А у нас тот, кто говорит, что он православный и даже искренне считает себя таковым, может и не ходить в церковь, годами не исповедоваться, не причащаться. Как его считать сыном Церкви?

– **Кому Церковь не мать, тому Бог не отец.**

– Скажу больше. Очень много таких, кто посещает храм, соблюдает правила, но не живет подлинно церковной жизнью. Не живет каждый день и час своего существования так, как положе-

но жить христианину. Церковная жизнь ведь не ограничивается только пребыванием в храме. Она длится до гробовой доски. И после нее.

– **К сожалению, аналогичная ситуация и у нас в России. В вашем храме регулярно проходят богослужения?**

– По субботам и воскресеньям. И по праздникам. А в будние дни только требы. Поскольку наш храм при кладбище, самая частая из треб здесь – отпевание.

– **Не отмечали ли вы такое явление: когда становится жить тяжелее, люди больше тянутся к церкви? Жить лучше – и они тогда меньше идут к ней.**

– Так принято считать. Но смотрите: сейчас экономическое положение у нас не из лучших, но движения к церкви не наблюдается, как это было, скажем, в послесоветское время. Так что тут прямой зависимости, пожалуй, нет. Видимо, действуют еще и иные, менее очевидные факторы. Я думаю, что вообще такого массового движения к церкви уже не будет. Все идет к спаду. На людей, к сожалению, действует дух сегодняшнего, секулярного времени. Формула «если плохо, вспоминаем Бога» еще жива. Но сегодня вообще вспоминают Бога все реже.

– **И молодежь?**

– К сожалению – да. И так во всем мире. Молодежь наиболее восприимчива к веяниям века сего. Когда я сегодня вижу молодого человека в храме, удивляюсь. И восторгаюсь в то же время. Если человек в возрасте до тридцати лет оказывается в церкви, это, без преувеличения, великое дело. Но, к сожалению, это единичные случаи.

– **Наверно, лет до двенадцати они в послушании у родителей, а потом начинает проявляться так называемая самостоятельность. Особенно теперь, когда мир так носится с правами ребенка.**

– Но послушание, о котором вы говорите, – тоже плохо. Детей насильно ведут в церковь, и это их отвращает. Посещение церкви должно быть праздником.

– **Но как этого добиться? Ведь праздник так легко испортить. Достаточно одного слова, интонации. Бабуля в храме, батюшка... Да что или кто угодно!**

– И все-таки в первую очередь это зависит от родителей. Если праздник всегда будет встречать ребенка уже у

входа в храм, то и к двенадцати годам, это ощущение не пропадет.

– Мне кажется, роль священника здесь ничуть не меньше, чем роль родителей.

– Конечно! Просто священник не общается с вашим ребенком так часто, как вы сами. А роль его огромна. Именно от него зависит объяснить, рассказать ребенку, что такое церковная жизнь. Что это не только обряд, не только посещение храма и пребывание в нем. Церковная жизнь – это жизнь в Боге, всегда и всюду. На улице, дома, в школе, на работе... Однако и священники сами порой пропускают это мимо своего внимания и внимания паствы. Сводят церковную жизнь к узкому коридору, от порога храма до алтаря, по которому и должен ходить верующий человек. Может быть, у таких батюшек не хватает времени, сил... Не знаю. Но такой подход мне представляется неверным.

– Сегодняшний мир заставляет верующего человека невольно жить двумя жизнями. Он не понимает, что церковь не кончается за оградой. Что она должна быть все время. Всегда. Что не православие должен быть внутри человека, а человек – внутри православия. Что вера должна обнимать человека, быть его духовной питательной средой, такой же, как, допустим, воздух – необходим для дыхания.

– Самое печальное, что секуляризация уже начинает поднимать голову в самой церкви. Это самое плохое, что может быть.

– Меня давно занимал вот еще какой вопрос. У нас есть современный

язык и церковнославянский язык. Их назначение понятно. А как обстоят у вас?

– А у меня встречный вопрос. Ваш церковнославянский язык понятен современному человеку?

– К сожалению, во многом непонятен.

– На сколько процентов, по вашему?

– Думаю, что процентов на девяносто.

– Тогда у нас лучше обстоят дела. Древний грузинский язык процентов на семьдесят понятен современнику.

– В принципе, это у вас единый язык – светский и церковный?

– На те самые семьдесят процентов, о которых я говорил, – да. Возможно, наш случай уникален. Тексты, написанные в V веке, и сегодня во многом понятны. В VIII веке написанное житие понятно и сегодня. Язык Шота Руставели не нуждается в адаптации его к современному читателю. Другое дело, что сегодня Шота не очень-то нужен читателю вообще, но это уже другая боль и другая беда. Современный грек, равно как и итальянец, не могут читать тексты, написанные во времена античности или Римской империи, потому что это были совсем другие языки. Современный англичанин не может читать в оригинале Шекспира. Нам в этом смысле повезло больше других. Хотя многие либералы говорят сегодня: оживите язык – и мы пойдем к вам в церковь. Но это всего лишь уловки, чтобы как-то оправдать свою позицию. Это обман. Ни в какую церковь они не пойдут.

– Да и нужен ли такой, с позволения сказать, крестный ход?

– Абсолютно не нужен. Почему, например, считается нормальным научиться разбираться в химии, физике, биологии, то есть подниматься до уровня этих наук, а церковь должна опускаться до уровня малограмотного и ленивого обывателя? Обучаемся компьютерным технологиям, осваиваем электронику, а вот «Отче наш» изложи, пожалуйста, так, чтобы я пальцем не должен был бы шевельнуть. И если бы только о языке спорили... А вот у вас службы долгие... А вот у вас стоят, а не сидят, как у католиков... А вот у вас батюшки толстые и на иномарках разъезжают... Честно говоря, так все это надоело... Можно представить, во что превратилось бы Святое Евангелие за эти две тысячи лет, если бы каждые два-три века его корректировали под давлением «прогрессивной общественности».

– Отец Леван, вы по натуре оптимист?

– Да, конечно.

– А на чем ваш оптимизм держится?

– На Христе, конечно! На чем же еще? Христианин по определению не может не быть оптимистом. Потому что, если Христос воскрес, этим объясняется все. Просто грех не быть при этом оптимистом.

– Благодарю вас, батюшка, и особенно – за ваш оптимизм. Спаси вас Господи.

– Божие благословение на вас.

Беседовал Павел Демидов

Тбилиси

Крестник Патриарха

Малышок Сандрик в центре этой фотографии – третий ребенок в семье Топуридзе. И потому – особенный, хотя, казалось бы, ничем не отличается от сестренки Лены и брата Никуши. Дело в том, что крестик, который он носит на груди, подарил ему сам Святейший Патриарх всея Грузии Илия II после того, как сам же и совершил над ним Таинство крещения.

Эта красивая и такая важная традиция – лично крестить каждого третьего и затем всех последующих детей в семье – родилась по инициативе самого Предстоятеля 19 января 2008 года. На сегодня число крестников Илии II уже намного превысило десять тысяч детей. Это значит, что



лем обсуждать в храме.

Вот бы и всему православному люду последовать этим примерам...

в десяти с лишним тысячах семей уже как минимум по три ребенка. Для Грузии это жизненно важно.

Каждому крестнику Патриарха жалуются титул: Верный сын Отечества и защитник Патриаршего престола Грузинской Православной Церкви (то же, разумеется, касается и верных дочерей).

А не так давно Предстоятель предложил: каждую неделю выбирать какую-то определенную книгу, прочитывать ее, а потом вместе с настояте-

Рисунки Антона Куманькова

«Худо мне без тебя, вздоху нет...»

Василий Иванович Белов умер в конце прошлого года. Его тихий уход после столь же тихого 80-летия каким-то таинственным образом коснулся многих сердец. Нет, не многих, конечно. Это слово вырвалось у меня от желания, чтобы так было – чтобы люди в нашей стране вдруг открыли для себя родное, обернулись на жизнь отцов и дедов, ощутили на губах «нежный вкус родимой речи».

Детство мое прошло в одном с Василием Ивановичем городе, в Вологде, и хотя бы только этим он мне мил и дорог. А еще на первом курсе я корпел над курсовой по его рассказу «Колоколёна». Сам выбрал и Белова, и этот рассказ, никто не навязывал, но, видно, не рассчитал своих сил – слишком глубоко была для меня речь старухи Колоколёны. И я беспомощно барахтался, напрасно перерывая словари в поисках не слыханных мной доселе беловских слов...

Еще помню, мы на какой-то вологодской партконференции вместе в очереди в гардероб стояли, и я поражаюсь, какого же он маленького росточка – как мальчишка лет двенадцати. Так же, говорят, и Рубцова принимали иногда со спины за подростка.

Кстати, Василию Белову посвящено ставшее теперь уже классическим стихотворение Николая Рубцова:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...*

Стихи эти – как вздох. Они тише самой тишины.

Василию Белову было всего тридцать с небольшим, когда



в 1966 году вышло «Привычное дело». Через два года – «Плотницкие рассказы». Книги, ошеломившие пронзительной правдой о военной и послевоенной деревне. Ошеломившие не только городских людей, но и таких, как Василий Шукшин и Виктор Астафьев.

«Привычное дело» сегодня звучит как реквием. «Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя... Ты, Катя, где есть-то?..».

Сегодня о русской деревне не вспоминают. Еще прежде чем стереть ее вовсе с карты, мы стерли ее из памяти. Опасаемся оглядываться в ту, деревенскую, сторону. Ведь как туда посмотреть без стыда, без ужаса перед тем, что натворили? Как без содрогания взглянуть в черные глазницы заросших березами храмов, закрытых школ, брошенных ферм, разбитых клубов, растащенных детских садилов?..

Вот почему остается не прочитанной нами как должно трилогия о судьбах русского крестьянства: «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестой». Сегодня далеко, с глаз долой, задвинули деревенскую литературу. Литературу, пострадавшую не одними только писателями, а всем народом. И оттого – кровно нашу, совестливую, заступническую, удержавшую в слове многое из того, чего на русской земле мы сегодня уже не найдем.

Несколько дней я думал, какими же заветными страницами представить Василия Ивановича Белова в «Лампаде». Выбрал две начальные главы из «Привычного дела». Почему именно их? Да все просто: от них веет счастьем. Ладом, как сказал бы Василий Иванович.

Дмитрий Шеваров

Письмо другу

Василий Белов – Василию Шукшину
24 апреля 1971 года

Василей, Василей, ты это брось. Я не про то, что жалуешься мне (это не жалобы, да и хороши мы будем, ежели не станем говорить друг дружке главного), – я про твоё состояние.

<...> Проснись однажды со свежим сердцем и хватит. Пишу тебе честно: постоянной и ровной боли у меня нет. Бывает с похмелья, когда нагресишь (в прямом смысле) либо наговоришь кому-то чего-то или еще что (это я называю духовным стриптизом). А так – нет пока, тьфу, тьфу!

Чего ты маешься – не знаю. Вот мои предположения. Очень часто бывает так: душа болит, потому что тело болит.

Не смейся, поверь. Побереги, наладь, подрегулируй, подлечи свою машину, то есть тело. <...>

А если и с машиной более-менее все ладно, а совесть, душа все равно болит – значит, чего-то не так живем, не то немножко делаем или уже надеялись. Я иногда просыпаюсь ночью от стыда и краснею: во сне вспомнилась забытая, но сделанная когда-то подлость. Утешаюсь тем, что больше так не сделаю. И тем, что ежели стыдно, ежели совесть болит, значит, она еще есть в тебе, не вытравили. Может, ты маешься тем, что сделал для денег? Тогда сократи бюджет и больше не делай ничего по чужим сценариям. А то, что уже сделано, – забудь, отсеки и не вспоминай.

Вишь, я какой ментор. А вообще, знаешь что: ничему не отдавайся до

конца, до последней кровинки. К черту максимализм, это он губит. Меня писателем называют, а я чихал! Я, может, никакой не писатель и быть им не хочу. Почему я должен быть писателем, я не обязан. И никому ничего не должен. Я и руками себя прокормлю, захочу – и буду столярничать. Либо на завод монтером. Может, я дрова колоть больше люблю, чем сочинять все эти штучки. <...> Вот когда так подумаю – сразу дышать легче, сразу гора с плеч, сразу свобода и легкость. Как раз та свобода, без которой ничего стоящего мне не сочинить. <...>

Астафьев кланяется и зовет тебя в Вологду. А я не зову даже. Это так просто – 8 1/2 часов езды.

(В.И. Белов. Собрание сочинений в 7 томах. Том 7. М., «Классика», 2012 г.)

Василий Белов

Привычное дело

ГОРЯЧАЯ ЛЮБОВЬ

...Вьюга в поле запела вновь, ветер сек снегом горячие щеки. Иван Африканович выбежал на угор, до больницы и конторы сельпо было подать рукой.

Он не помнил, как добежал до больницы крылечка...

* * *

– Иван Африканович? А Иван Африканович? – фельдшерница приоткрыла двери в коридорчик, заглянула за печку. Ивана Африкановича нигде не было. – Товарищ Дрынов!

«Куда он девался? – подумала она. – Два дня в прихожей крутился, домой не могли прогнать. А тут как провалился».

Она решила, что Дрынов ушел, так и не дождавшись жениных родов. На всякий случай открыла кладовку, куда уборщица складывала дрова, и рассмеялась. Иван Африканович спал на поленьях: постеснялся даже подложить под голову старый больничный тулуп. Он не спал уже две ночи и ничего почти не ел, а на третий день его сморило, и он уснул на поленьях.

– Товарищ Дрынов, – фельдшерница тронула его за рукав, – у вас ночью сын родился, вставайте.

Иван Африканович вскочил в ту же секунду. Он даже не успел постесняться, что залез в кладовку и уснул, фельдшерница стояла и ругала его:

– Вы бы хоть тулуп-то подстелили!

– Милая, да я... я тебе рыбы наловлю. Голубушка, я... я... Все ладно-то хоть?

– Все, все.

– Я рыбы тебе наловлю.

– Хм...

– Отпустила бы ты их домой-то?

– Нельзя. Денька два пусть полежит, – фельдшерница подала ему халат. – Сына-то как назовете?

– Да хоть как! Отпусти ты их. Как скажешь, так и назову, отпусти, милая! Я их на чуночках, на санках то есть... Мы... это, доберемся потихоньку.

Из палаты вышла Катерина и только слегка взглянула на Ивана Африкановича. Тоже начала спрашивать, чтобы отпустили:

– Чего мне тут делать? А ты дак сиди! – обернулась она к мужу. – Непошто и пришел. Дом оставил, ребята одне со старухой.

– Катерина, ты это... все ладно-то?

– Когда с дому-то пришел, севодни? – не отвечая, сурово спросила Катерина.

– Ну! – Иван Африканович мигнул фельдшернице, чтобы не выдала, не проговорилась.

– А непошто и пришел.

– Да ведь как, это самое... Где парень-то? Опять, наверно, весь в вашу породу.

Катерина, словно стыдясь своей же улыбки, застенчиво сказала:

– Опять.



Фельдшерница глядела, глядела и пошла, а Иван Африканович за ней, жена тоже, и оба опять начали уговаривать, чтобы отпустила. Фельдшерница сначала не хотела и слушать, потом отмахнулась:

– Ладно уж, идите. Только на работу неделю-полторы не ходить. Ни в коем случае.

...Вскоре Иван Африканович вышел с женой и с ребенком на улицу. Младенца, завернутого в одеяло и в тот же больничный тулуп, он положил на санки, взятые у знакомой тетки.

Дорогу после недавней пурги успели уже накатать. Погода потеплела, ветра не было, по-вешнему припекало солнце.

– Как парня-то назовем? – спросил Иван Африканович, когда подошли к сельсовету. – Может, Иваном? Хоть и не в мою породу, а я бы Иваном.

– Давай и Иваном, – вздохнула Катерина.

– Давай. Дело привычное.

– Поди в сельсовет, да парня запиши, да пособие попроси, и без меня выдуд, а я пойду. В Сосновке тебя подожду,

у Нюшки чаю попьем. Да деньги-ти не пропей.

– Ну! Ты что? Я вас догоню, не торопись, помаленьку иди-то!

Иван Африканович осторожно поправил тулуп с ребенком и торопливо пошел в сельсовет.

Катерина на санках повезла сына домой. Она зашла в Сосновке к Нюшке, Степановна согрела самовар, они долго говорили обо всех делах, а Ивана Африкановича не было. Он прибежал расстроенный, когда Катерина уже выходила с ребенком на крыльцо. Степановна с Нюшкой вышли тоже на улицу.

– Здорово, Степановна, здорово, Анюта.

– Зашли бы, да и ночевали, – сказала Степановна, пока Нюшка и Катерина укладывали тулуп с ребенком.

– Нет уж, какой ночлег... Пятьдесят четыре рубля... с копейками... высчитали из пособия.

– Может, самовары-ти взять да починить? – спросила Степановна. – Ей-богу, возьми самовары-ти! Саша Пятак в кузнице кранты-ти припаяет. Нам вон тоже надо бы самовар-то, а другой себе возьмешь.

– А и верно! Возьму да и почию. Ты как, Катерина?

– Ой тебя, лешой! – Катерина покачала головой. – Это пошто было лошадей-то одну отпустить?

Иван Африканович сник, замолчал, Степановна с Нюшкой постояли у ворот и ушли, а они двинулись по дороге.

Припекало взаправду, первый раз по-весеннему голубело небо, и золоченные солнышком сосны тихо грелись на горюшке, над родничком. В этом месте, недалеко от Сосновки, Катерина, да и сам Иван Африканович всегда приворачивали, пили родничковую воду даже зимой. Отдыхали и просто останавливались посидеть с минуту.

Новорожденный спокойно и глубоко спал в своих санках. Сосны, прохваченные насквозь солнцем, спали тоже, спали глубоко и отрадно, невыносимо ярко белели везде снежные поля.

Катерина и Иван Африканович, не стовариваясь, остановились у родника, присели на санки. Помолчали. Вдруг Катерина улыбочиво обернулась на мужа:

– Ты, Иванушко, чего? Расстроился, вижу, наплюнь, ладно. Эх, подумаешь, самовары, и не думай ничего.

– Да ведь как, девка, пятьдесят рублей, шутка ли...

Родничок был не велик и не боек, он пробивался из нутра сосновой горушки совсем не нахально. Летом он весь обрастал травой, песчаный, тихо струил воду на большую дорогу. Зимой здесь ветром сметало в сторону снег, лишь слегка прикрывало, будто для тепла, и он не замерзал. Вода была так прозрачна, что казалось, что ее нет вовсе, этой воды.

Иван Африканович хотел закурить и вместе с кисетом вытащил из кармана бумажку, что вручили ему в сельсовете. Написана она была карандашом под копирку.

«АКТ

Мы нижеподписавшие составили настоящий акт. В том, что с одной стороны контора сельпо в лице продавца с другой возчик Дрынов Иван Африканович, при трех свидетелях. Акт составлен на предмет показанья и для выяснения товара. Сего числа текущего года возчик Дрынов Иван Африканович вез товар со склада сельпо и лошадь пришла без него, а где был вышеозначенный т. Дрынов И. Аф. это не известно, а по накладной весь товар оказался в наличии. Только лошадь с товаром по причине ночного время зашла в конюшню и дровни перевернула, а т. Дрынов спал в сосновской бане и два самовара из дровней упали вниз. Данные самовары на сумму 54 рб. 84 коп. получили дефект, а именно: отломались ихние краны и на одном сильно измятый бок. Другой самовар поврежденный, кроме крана, не получил. Весь остальной товар принят по накладной в сохранности, только т. Дрынов на сдачу не явился, в чем и составлен настоящий акт».

ДЕТКИ

Ему было хорошо, этому шестинедельному человеку. Да, он жил на свете всего еще только шесть недель. Конечно, если не считать те девять месяцев. Ему не было дела ни до чего. Девять месяцев и шесть недель тому назад его не существовало.

Шесть недель прошло с той минуты, как оборвалась пуповина и материнская кровь перестала питать его маленькое тельце. А теперь у него было свое сердечко, все свое. При рождении он криком провозгласил сам себя. Уже тогда он ощущал твердое и мягкое, потом теплое и холодное, светлое и темное. Вскоре он стал различать цвета. Звуки понемногу тоже приобретали для него свои различия. Но самое сильное ощущение было ощущение голода. Оно не прекращалось даже тогда, когда он, насытившись материнским мо-

локом, улыбался белому снегу. Даже во сне потребность в насыщении не исчезала.

И вот он лежал в люльке, и ему было хорошо, хотя он создавал это только одним телом. Не было и тени отвлеченного, нефизического сознания этого «хорошо». Ноги почему-то сами двигались, туда-сюда, пальчики на руках, тоже сами, то сжимались в кулачок, то растопыривались. У него еще не было разницы между



сном и несном. Во сне он жил так же, как и до этого. И переход от сна к несну для него не существовал.

Люлька слегка покачивалась. Если бы он был чуть побольше, то он услышал бы, что бабкины руки пахнут дымом. Он бы увидел громадный потрескавшийся потолок, и рев старшего, полуторагодовалого Володи вывел бы его из созерцательно-счастливого равнодушия.

– Бес ты, Володька, чистый бес, – ласково говорила бабка Евстоля. – И не стыдно тебе?

Володька ревел у нее на руках.

У него, у этого полуторагодовалого Володи, шла борьба с младшим шестинедельным братом. Борьба за люльку.

Он, Володя, еще качался в колыбели, когда место в ней занял младший, только что родившийся его брат.

Володя уже ходил на своих ногах, говорил много слов, бабку называл мамой и отца папой – и все еще качался в люльке. Когда его выселили в первый раз, он сначала как бы снисходительно уступил

люльку. Но уже через минуту изумился этой явной несправедливости, заревел благим матом и залягся.

Ему и сейчас хотелось в люльку. Еще ему хотелось, чтобы рядом была мать, и эта тоска, боль оттого, что матери нет рядом, сама собой выливалась в жажду завладеть люлькой.

Бабка подоткнула одеяло, передвинула маленького в один конец, а в другой уложила Володьку.

Люлька была большая. Володька сразу успокоился, а маленькому было все равно, с кем лежать. Володька потянулся за соской. Ему давно было положено отстать от соски, но он все еще не мог отвыкнуть от нее. Бабка мазала соску горчицей, говорила, что соску уташила собака, но все было напрасно: Володька не расставался с резиновой пустышкой.

Володька лежал в люльке довольный и успокоившийся. Новое существо шевелилось где-то в ногах, но он уже привык к этому беспокойству. Но Володьке хотелось, чтобы люлька качалась, чтобы очеп скрипел как обычно. Он задумался, глядя на солнечный зайчик, отраженный на стене стеклом комода.

Он уже знал все звуки родимой избы. Особенно звук двери. У него замирало сердце от тоски, когда бабка с ведром выходила из избы и исчезала. Тогда ему становилось невыносимо тоскливо. Слезы готовы были брызнуть, и губы сами складывались горькой подковкой.

Долгие, жуткие, длились секунды. Он уже не мог сдерживать слезного крика. Из сжатого горлышка вот-вот бы вырвался этот крик, но вдруг дверь открывалась и бабка Евстоля, живая, настоящая, появлялась в избе и, не глядя на ребят, торопилась к печи. Радость и облегчение разом гасили Володькино одиночество, накопившийся крик и слезы проглатывались. Так повторялось много раз, пока бабка не кончала обряды. Он не мог привыкнуть к этому. Тоска по всегда отсутствующей матери точила его сердечко, а когда уходила бабка, ему было и вовсе невмоготу. Даже не помогало укачивание колыбели.

Маруся, старшая сестренка двух лежащих в колыбели братьев, подошла к люльке, загремела им погремушкой. Ей было четыре года, каждый сучок в люльке она знала лучше Володьки, и ей иногда тоже очень хотелось в люльку...

– Покачай ты их, Маруся, – сказала бабка, – покачай, хорошая девушка. Вот, вот, за веревочку. Умница! Вот оне вырастут, тебя на машине покатают.

Маруся тихонько качнула люльку. За окошком белел снег и светилось солнышко. Мама ушла по этому снегу. Маруся еще спала, а мама ушла. И папы нет. Маруся все время молчала, и никто не знал, что она думает. Она родилась как раз в то время, когда нынешняя корова Рогуля была еще телочкой и молока не было, и от этого Маруся росла тихо и все чего-то думала, думала, но никто не знал, что она думала.

Бабка Евстоля поставила самовар:

– Вот мама сейчас придет, чай станем пить. Гришку с Васькой разбудим, да и Катюшке с Мишкой, наверно, уж напостыло спать.

Упоминание о матери отразилось на Марусином личике долгой изумленно-тревожной улыбкой. Она словно бы вспомнила, что у нее есть мама, и вся засветилась от радости, восхищенно выдохнула:

– Мамушка?

– Мамушка и придет, – подтвердила бабка Евстоля. – Вот как коровушек поидит, так и придет.

Девочка снова задумчиво и отрешенно поглядывала на улицу.

Мишка с Васькой – близнецы, обоим по шесть годов, – пробудились оба сразу и устроили возню. Потом долго надевали тоже одинаковые свои штаны: каждый раз который-нибудь надевал штаны задом наперед да так и ходил весь день. Четыре валенка у них были не парные, перемешанные: ребята долго и шумно выбирали их из кучи других валенок, сушившихся на печи. Наконец валенки были извлечены и обуты. На сарае, куда отправились выспавшиеся братики, было холодно и пахло промерзшим сеном. Дрожа от стужи, ребята поднатужились, каждый хотел брызнуть дальше другого.

ЧТО ЧИТАТЬ У ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

Деревенька моя лесная. Стихи
Знойное лето. Рассказы
Речные излуки. Рассказы
Привычное дело. Повесть
Плотничьи рассказы
Бухтины вологодские
Кануны. Роман
Лад. Очерки о народной эстетике
Всё впереди. Роман
Год великого перелома. Роман
Повседневная жизнь русского Севера
Даня. Рассказ

– Я вот вам покажу, я вот вам уши-ти надеру! – услышали они голос бабки Евстоли. – Ишь, всю стену облили, прохвосты, намерзло, как на мельнице!

Бабка выходила с ведром к коро- ве. Мишка с Васькой побежали в избу. Утренний необъяснимый восторг на- сквозь пронизывал их обоих и замирал где-то у самых копчиков. Им хотелось то ли завизжать, то ли полететь, однако холод заставил быстро убраться в избу. Интересно, встала или еще спит Катюш- ка? Она каждый раз велит им умываться, такая начальница. Спит. Они, не сговари- ваясь, молча, легко убедили сами себя в том, что забыли умыться.

Хотелось есть. Из-за перегородки пах- ло жареной картошкой, шумел у шестка самовар. Васька дотронулся пальцем до самовара, и Мишка дотронулся, Мишка подул на палец, и Васька подул.

Чего это опять Володька ревет? Он и Катюшку с Гришкой разбудил, ревет.

Глядя на Володьку, замигала глазенка- ми и Маруся. Мишка и Васька подошли к люльке. Володька ревет. А этот, новый-то, не ревет. Ваське и Мишке торчать у люль- ки не было никакого интереса; не ожида- ясь еды, надели шапки, пальтишки сняли с гвоздиков – и на улицу...

Катюшка вскочила с постели и сразу взяла Володьку на руки, Володька успоко- ился. Гришка, ленивый соня, вставать не хотел. Катюшка еще вчера уроки выучи- ла, а Гришка отложил на сегодня, и вот он лежал, не мог преодолеть лень, и у него болела душа из-за нев्यученных уроков. Конечно, письменное-то делать все равно придется, и упражнение писать, и приме- ры решать. А вот устное... Хорошо Ваське с Мишкой, они в школу не ходят. Все-таки Гришке пришлось вставать, он ходил уже в третий. А Катюшка училась в четвертом, она все видела – как Гришка жил и что он делал, видела, и Гришке не было от нее покоя. Вот и сейчас успокоила Володь- ку – и на него, как учительница, бери то, делай это, усадила за стол и велит приме- ры решать, а когда решать-то? Вон бабка уже и самовар несет, на стол ставит.

...Так началось утро в семье Ивана Африкановича. Обычное апрельское утро. Постепенно все были накормлены, все одеты. Катюшка с Гришкой ушли в школу. Васька с Мишкой убежали опять гулять по деревне, Марусю в больших, не по росту валенках тоже увели гулять в другую избу. Дома остались лишь Володька с малень- ким. Они спали в люльке, и оцеп легонько поскрипывал, и бабка Евстоля сбивала мутовкой сметану в горшке. В избе тикали часы, скреблась под половицей мышка.

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Родился 23 октября 1932 года в селе Тимониха Харовского района Вологодской области в семье Ивана Федоровича и Анфисы Ивановны Беловых

1946. Учеба в ФЗО (г. Сокол)

1948–1952. Счетовод в харовском колхозе «Четвертая пятилетка»

1952–1955. Служба в армии (Ле- нинград)

1956–1958. Корреспондент харов- ской районной газеты «Коммунар».

Первая публикация стихов в журна- ле «Звезда»

1958. Секретарь Грязовецкого рай- кома комсомола

1959. Знакомство и начало дружбы с В.М. Шукшиным

1961. Первая книга стихов «Дере- венька моя лесная»

1963. Принят в Союз писателей СССР

1964. Поступает в Литературный институт им. Горького

1966. В журнале «Север» выходит повесть «Привычное дело»

1968. В «Новом мире» А.Т. Твар- довский печатает «Плотничьи рас- сказы»

1969. Там же опубликованы «Бухти- ны вологодские»

1972. Приступает к роману «Кану- ны» – о коллективизации

1981. Выходит книга очерков о на- родной эстетике «Лад»

1985. Роман «Всё впереди»

1989. Избран депутатом Верхов- ного Совета СССР. В выступлении на съезде призвал реабилитировать раскулаченных крестьян

1990. Начинает восстанавливать Никольский Сохотский храм близ Тимонихи

1993, октябрь. Участвует в собы- тиях в Москве у Белого дома.

1998. Выходит роман «Час ше- стый»

2012, 4 декабря. Скончался в Волог- де на 81-м году жизни

Василий Крюков

Нил и Нил

О Ниле Сорском я узнал из его маленькой «книжки», и эта маленькая «книжка про скитскую жизнь» меня так удивила своей краткостью, что я подумал: вот если даст Бог мне второго сына, я его Нилом назову. И сын у меня родился. И мама еще до его рождения знала, что он Нилом будет, имя ей нравилось.



Она тихо плакала от волнения, когда я забирал их из роддома. Новорожденные, как известно, по сторонам не смотрят, они и головкой-то особо не вертят, да и слышат они что-то отличное от нашего. Нил только грудь сосал и спал, глаза его были темнее и синее, нежели сейчас, и смотрели они в первые после рождения дни куда-то скорее внутрь, нежели наружу...

Отец сей дивный Сорский Нил родился в XV веке. Рода он был боярско-го, образование получил хорошее, уже в юности занимался переписыванием книг. Имя свое получил в честь Нила Синайского. Через него-то до нас и дошло духовное толкование самой первой заповеди, данной Богом Адаму еще в раю. Адам должен был райский сад возделывать и хранить. Сад райской благодати трактовался Нилом Синайским как молитвенная радость, как свет созерцания, а возделывание и хранение – как труд молитвенный, как умное делание, которое есть восхождение к созерцанию, как сказал Григорий Богослов. Отец сей чудный Сорский Нил учил нас в сердце Бога тайно *пети*. Тайно и всегда. А сам он научился у Господа, Апостолов и предшествующих Отцов. В первую очередь, конечно, он учил «тех, кто его же права», потом и всех остальных.

Его «Устав о жизни в скиту», «Предание о жизни скитской» зовут человека проникнуть внутрь сознания. Нил доходит до самой глубины душевной и показывает в деталях весь процесс очищения помысла, достижения просветления и чистоты сердечной. К себе в скит он брал только тех, кто понимает, о чем он говорит и пишет, тех, кто видел свет созерцания или хотел бы увидеть больше всего на свете. Понятно, что были то люди «не от мира сего»...

Нилку мы крестили в Ферапонтове. В деревянной церкви Нила Сорского, срубленной недавно, недалеко от стены монастыря. Церковь свежая, пахучая, светло-соломенная, Нил розовый, масляный, завернут в белую ткань...

Раньше я ничего о Ниле Сорском не знал. Но коль северная наша Фиваида есть ожерелье, рассыпанное среди озер, лесов, рек и речушек, то на Вологодчине сразу четыре маргарита закатились в одно место: Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Горицкий девичий монастыри и Нило-Сорская пустынь – четыре разных обители в шестистах километрах к северу от столицы. Три жемчужины сияют воочию, наглядно, но вот последняя – она излучает свет таинственный, потому что там, у Нила Сорского, сумасшедший дом. Необычное лечебное заведение, психоневрологический изолятор, убогий и нелепый, мирским людям маловходный, и мощи святого таятся под спудом этого дома странных мира сего. Из соседнего Ферапонтова – всего 20 минут на машине, но когда вы сюда попадаете, создается впечатление, что от цивилизованного мира вас отделяют сотни километров.

Когда Нил пришел на Сорку, здесь была неприглядная болотистая низина посреди еловых дебрей. Верст пятнадцать от «мирской чади» и шума каменного строительства в соседних монастырях. Несколько человек, близких по нраву, присоединились к нему. Селиться можно было по одному, друг от друга «на вержение камня», так,



чтобы не было слышно, если брат, например, поет, или молится, или громко плачет. Вместе они натаскали земли на сухое место и построили маленькую церковку, освятили ее во имя Сретения Господня. Подельем в ските Нила Сорского было переписывание книг.

Если мы посмотрим на Нила Сорского как на филолога, посветившего жизнь собиранию, переписке, изучению духовных книг, сверже параллельных текстов, то схожий труд увидится нам в XVIII веке у Паисия Величковского, а в XX – у Феофана Затворника – авторов-собираателей «Добротолюбия» славянского и русского соответственно. Если «Добротолюбие» – сборник многотомный, то Ниллов устав удивительно краток, но хлеб фиваидский – пища твердая.

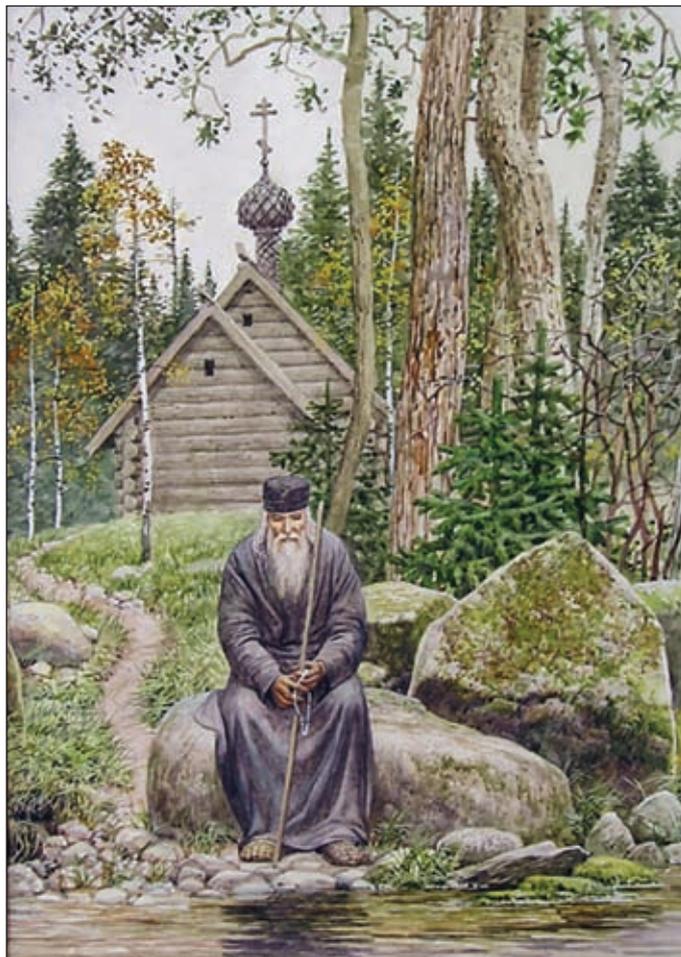
Мы оказались здесь с друзьями, нас было четверо. Монастырская каменная застройка – низкая, формальная какая-то, усугубляющая характер болотистой низины. Вдоль обшарпанно-белой монастырской стены – дорога, черная от угольной крошки, и, как часовой на воротах, парень стоит в спортивной одежде. Ворота приоткрыты. По другую сторону дороги – домик, но не жилой, общественный, и в нем нас встречает крепкая женщина – начальник и комендант. Осень была уже в расцвете, кукушки и многие другие птицы улетели, многие, но не все.

Нет, сказала нам эта женщина, внутрь вам нельзя, у нас тут специальное учреждение, вы что? Вот, можете на скит сходить.

Ну, и пошли мы на скит, парень-часовой нас и проводил, нормальный,

в общем-то, парень, у него просто сопля большая из носа висела: к облику своему он давно не проявлял внимания. Ну, а когда он ее убрал, вообще все на место встало. Он о себе рассказал, о том, что вокруг происходит. После детского дома сюда попал – «распределили». И, по всей вероятности, пожизненно. Жилья не дали.

А на воротах монастырских проводник наш стоял, так сказать, на шухере, потому что возле монастырской стены деревенька, и если начальство какое приезжает, то всех пациентов нынешней Ниловой пустыни быстренько обратно загоняют, по местам расставляют, а если тихо все, то некоторым выходить можно, по деревеньке погулять, на велосипеде прокатиться, ведь постоянно за стеной – тяжело. Так что и деревенька там не простая. Убогих тут человек двести. Разные люди с разными историями, кто приبلудный, кто эпилептик, от кого родители отказались. Ну, и местные. Раз в неделю молодое хулиганье так напивается, что из Кириллова полиция приезжает. Вот такая лечебница. Суровая пустыня...



Пока мы шли к скиту, проходили какой-то гараж, в нем дед и подростков бритоголовых десятков, у деда, как на рекламе «Голуаз», все лицо синим раскрашено, один подросток вышел к нам на дорогу, спрашивает: вы откуда?

туда и Нил, а если Савва один пошел, то Нил – реветь...

Иван Грозный увидел «убогость» пустыни уже через 60 лет после преставления Нила и задумал каменный храм здесь возвести. Нил явился царю во сне

– Из Москвы.

– А как про нас узнали?

– Нил подсказал.

За деревню метров двести – и плотная стена елового леса, возле – большой крест. Рядом маленький прудик, прямо лужица, только глубокая. Нил своими руками выкопал. Я почерпнул воды, выпил. Провожатый наш достал сигарету, закурил. И вдруг наступило умиротворение, настоящее умиротворение, все поняли, куда, зачем ехали и шли, и что пришли – наконец, поняли...

Нилок больше всех любит старшего брата Савву. Они с ним в какую-то одну нишу детства попадают. Только начал говорить, все Фава да Фава, а где Фава? Савва с ним возится, борется, куврыкается до пота, настоящий друг. Савва Нилку драться научил, Савва Нилку кидаться вещами научил, все родительские шишки, понятное дело, Савве достаются. В общем, куда Савва,



Нилова пустынь сегодня

и запретил, и царь послушался. Все постройки оставались деревянными до первой трети XIX века. Рядом с поздней каменной монастырской постройкой Ниловой пустыни в лесу два деревянных скита было. Успенский и Предтеченский, последний сгорел здесь в прошлом веке, сейчас только свежий крест и прудик, пятьсот лет назад выкопанный. Вот и весь скит. Дионисий с сыновьями расписывали храм в соседнем Ферапонтове как раз тогда, когда поблизости Нил подвизался. Историкам пока не удалось документально подтвердить факт их встречи, но не будем исключать той возможности повидаться с чудесным старцем, которая была у художника. И видели Нил свежие фрески?

На сайте Вологодской епархии я узнал, что изредка, когда автобус с паломниками приезжает издалека и если среди паломников находится священник, женщина-комендант может разрешить попасть внутрь «изолятора» и отслужить там молебен. Разрушенная церковь перестроена под столовую, здесь убирают столы, моют пол, вешают на стену икону Нила. При виде священника многие «пациенты» подходят под благословение. Паломники перестают обращать внимание на внешнее, лишь только начинается молебен, так сильно чувствуется Нилово благодатное присутствие.

В словах Марка Подвижника скрыта тайна, слова эти такие: самоуничтожение есть место внутреннего покоя. Нил эту тайну знал. Он сам обрел покой души в смирении и говорил об этом остальным. Он говорил о скромности во всем, о том, что церковные сосуды и облачения должны быть самыми простыми, что не стоит наживаться за счет чужого труда, что нет добра в том, чтобы всем людям угождать, и не забудем, как он спасал еретиков в огненное время. Нил Сорский говорил, что будет стараться, чтобы имя его не прославлялось в миру как при жизни, так и по смерти. Это нам как пример смирения, а впечатление складывается, что мы все воспринимаем буквально. Неправедным хочется накрыть учение Нила колапак, но Господь прославляет его для того, чтобы мы увидели свет его.

Нил помогает томящимся здесь отверженным. Государство не возьмется распутать клубок столь разнообразных недугов, устроить каждому сухую пала-

ту, простую заботу, и Нил помогает калякам да обманутым. Болезни их душ и тел самые разные, но что их здесь объединяет, в этой болотистой низине? То, что им уже никогда не вписаться в наш мир. В нашем мире только они и достойны этого святого места. Они, наверное, ни воровать, ни лгать, ни деньги откатывать, ни на других людях наживаться не умеют, умалишенные. И вот здесь рождается чудо об умалишенных. Потому что... а нас-то мы как назовем? Нет, нам не скрывать за тем, что «умное дело» в истории часто переживало как подъем, так и падения, и на Синае, и на Афоне, и в Ниловой пустыни было это. А потом ситуация менялась, и пустынь вновь сияла подвижниками. Но наше время с каким знаком в эту историю войдет? А что, если там среди этих двухсот «закрытых» есть хоть один, кто по смирению носит маску юродства Христа ради? И даже без всяких предположений, говоря самым простым языком, мы находим во всем этом пример любви. Сострадание к этим «заклоченным» в итоге перевешивает все остальные умозаключения...

Святые знают друг друга. Любят друг друга. Святой может через тысячу лет опять прийти, как с Исааком Сирийским случилось. Он тысячу лет назад жил. Одна его книга на славянском языке давно была у нас читаема, а другие на персидском, на арабском, ну никак не переводились, и вот вдруг в XX веке – пожалуйста. Нил знал Исаака Ниневийского. Святые друг о друге вспоминают. Один про другого может многое порассказать. Спросим Игнатия Брянчанинова – он о Василии Полянмерульском расскажет, спросим Василия – он нас к Нилу пригласит, Нил укажет на ранних Святых отцов греческих, африканских, палестинских пустынников, но все они нам возгласят, что если мы любовь разыскиваем, то искать ее надо у самих учеников Христовых, у Апостолов.

Нило-Сорская пустынь при Ниле была скитом-скрипторием и книжным детелищем. Сам же Нил очистил себя до прозрачности, чтобы нам было легко увидеть смысл христианской традиции. Он сохранил ее в чистоте, передал ее последующим поколениям, и в этом море веры, в этой прозрачности видна несказанная глубина его любви.

А Нилка вчера расшалился так, что засунул в нос железный шарик. Диа-

метром аккуратно в ноздрю. И вытащить его, естественно, не может. Шарик застрял в носу. Сначала Нил плакал, капризничал, но быстро понял, что ситуация какая-то необычная, что ни мама, ни папа помочь ему ничем не могут – только сам. А для этого ему изо всех сил надо «дуть носом». А он никогда специально носом не дул, поначалу ничего и не выходило у него, и он все срывался в слезы. Потом понял, стал дуть, почувствовал, что надо делать, чтобы шарик вытолкнуть, но силенок у него не хватило, и он опять расплакался, на этот раз от обиды, что ничего не удалось. Я уж думал, придется везти его в Филатовскую. Но он в третий раз приступил, и я даже удивился – столько в нем было решимости и силы. «Дуй, дуй!» – кричали все вокруг. Он поднатужился – и выдул шарик из носа. Победил его. А я смотрел и думал: как, с одной стороны близко, а с другой далеко от Нила до Нила. Много раз ему еще побеждать себя. Целую жизнь.

Я слабый исследователь и прошу молитв у Нила преподобного. Сыну моему младшему уже четвертый год, он не слушается, озорничает, а мне нужно научить ребенка читать, любить слово, ведь *жизнь и смерть во власти языка, и любящие его вкусят от его плодов*. Мне нужно научить его разбираться в написанном, исследовать прочитанное чувством сердечным, а когда он вырастет и поумнеет, и если Бог ему поможет, то он поймет, что *слова Господня чиста, яко сребро разжеено и очищено седмерицею, и заповеди Его светлы и возделенны паче злата и камня честна, и услаждают паче меда и сота, и хранят я, и вегда сохраняют я, воспримут воздаяния многа...*

Фото автора

СКРЕПЫ

Желающие чужого лишаются своего и погибают.

Святитель

Кирилл Александрийский



«Ангел, дней моих хранитель...» Сокровенные стихи и письма Николая Заболоцкого

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ*

*Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.*

*Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.*

*Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.*

*Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.*



*Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.*

*Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.*

*И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.*

*Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой –*

*Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень Распятого в горах, –*

*Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор Твой ангельский светился,
Устремленный на меня.
1955 г.*

Это стихотворение – одно из самых таинственных для нас в поэзии Николая Алексеевича Заболоцкого. Как, почему, откуда оно вдруг снизошло на поэта в 1955 году, столь чуждом, кажется, любым библейским реминисценциям?..

Недавно я вновь задумался об истоках этого стихотворения, когда встретился с дальневосточным издателем Александром Колесовым. Мы увиделись в Москве на книжной выставке, и он подарил мне альманах «Рубеж». Александр редактирует его уже двадцать лет. По дороге домой я открыл альманах (это был № 12) и обнаружил, что в нем опубликованы лагерные письма Заболоцкого – многие из них впервые. Письма хранились в архиве сына поэта Никиты Николаевича Заболоцкого, а подготовил их к публикации новосибирский литературовед Игорь Лоцилов.

После этих писем на «Бегство в Египет» ложится отсвет таежного снега. Становится очевидным, что это не гениаль-

* 14 сентября 1954 года у Николая Алексеевича случился тяжелейший инфаркт. Стихотворение «Бегство в Египет» было первым, написанным после болезни.

но исполненное упражнение на «отвлеченную от советской действительности тему». Библейский сюжет свершается не где-то в глубине веков, а здесь и сейчас, в судьбе поэта и его семьи. И, быть может, именно эта способность передать свое горе в руки вечности спасает поэта в лагере от уныния и смерти.

Николая Алексеевича арестовали 75 лет назад, 19 марта 1938 года, а его жене было приказано вместе с детьми покинуть Ленинград не позднее 7 ноября. Как вспоминала позже Екатерина Васильевна: «Наша ссылка в Уржуме, как потом оказалась, посланная Провидением, чтобы облегчить нам жизнь в тяжелые годы эвакуации из блокированного Ленинграда...».

Заболоцкого отправили этапом в лагерь на Дальний Восток 2 сентября. Поэт работал на лесоповале, на строительстве железной дороги, на добыче озерной соды. Тяжело заболел и был поставлен чертежником в лагерное проектное бюро. Освобожден в 1944 году, но без права перемещения. Лишь в 1946 году вернулся в Москву.

Дмитрий Шеваров

Письма от руки

Наши дети не знают, что такое перьевая ручка и чернила, а шариковой многие выпускники пишут как курица лапой. Они привыкли к клавиатуре и стикеру. С переходом на электронную переписку уходит способность красиво писать, связно излагать свои чувства и мысли, пропадает индивидуальность почерка. Но все это было

бы, наверное, не так и страшно, если бы вместе с этим не обеднялась наша жизнь. А она обедняется, уходит неповторимость душевных укладов, выдувается через компьютерный экран домашнее тепло, и семья уже не собирается вечером у лампы, чтобы вместе прочитать полученное письмо...

Священник и ученый Павел Флоренский писал в одном из писем детям: «В произведении руки человеческой... всегда есть таинственное мерцание жизни, как непосредственно чувствуется это мерцание... в тончайших оплетениях жил-лок листа. Машинная же вещь не мерцает, а блестит, лоснится мертво и нагло.

И напрасно было бы думать, что дети этой разницы не подмечают; нет, они чувствуют ее в возрасте уже самом раннем...».

Мне скажут: зато электронное письмо стремительно, его не надо ждать по две недели, не приходится караулить почтальона у калитки. Но, быть может, тем



Последняя фотография перед арестом

5 октября 1938 года

Родная моя Катенька, милый мой сынок Никитушка, ангел мой Наташечка, здравствуйте, родные мои!

Я жив и здоров, и душа моя всегда с вами. Я получил пять лет лагерей. Срок исчисляется со дня ареста. Не горюю и не плачу, родная Катя. Трудно тебе будет, но нужно сохранить и себя, и детей. Я верю в тебя и надеюсь, что наше счастье потом вернется к нам...

Ваши папа.

5 ноября 1938 года

Родной мой мальчик, любимый мой Никитушка!

Теперь ты стал настоящим путешественником. Нравится тебе Уржум? Зимой ты будешь там кататься на санках. Не простужайся, родной. Люби нашу милую мамочку и помогай ей, чем можешь. Люби и береги сестреночку – она еще такая маленькая. Папа крепко-крепко любит тебя. Жди папу, он вернется. Только будь, милый, умненьким и терпеливым.

Твой папа.

14 апреля 1939 года

Родная моя Катенька, милые мои дети!

и драгоценно было «ручное» письмо от любимого человека, что оно было **долгожданным**. И радость от его получения была долгой.

А стремительность – она не всегда во благо. Сколько недоразумений в общении возникает сейчас только потому, что люди не дают своим мыслям и чувствам «отле-



Лагерная дорога прошла через судьбы тысяч таких же семей

По временам сильно тоскую о детях. Очень обрадовала ты меня, что Никитка не температурит. Есть ли в Уржуме врачи, и показывала ли ты им мальчика?.. Здорова ли моя дочка?.. Вспоминаю, как укачивал мою доченьку, как пел ей песенки, – большую роль в моей жизни сыграли эти минуты, и не забыть мне их никогда...

14 июня 1939 года

...Рад я, что покуда ты еще перебиваешься с деньгами. Но что будет дальше?.. Ты пишешь, что не продала классиков из моей библиотеки, – продай прежде всего 20 томов в картонных крышках... Вообще, хотелось бы, чтобы из моей библиотеки сохранились лишь немногие книги: Пушкина однотомник, Тютчева томик, Баратынского два тома... книги, относящиеся к «Слову о Полку Игореве»... Остальные книги продавай, когда придется туго. Так же можешь поступить и с моими костюмами – не в них счастье. Были бы сыты, обуты и одеты детишки.

14 июля 1939 года

Родная моя Катенька, милые мои дети!

жаться». Кристаллизации не происходит. К тому же мы часто пишем электронные послания так, как будто мы первые, кто пытается выразить себя в жанре письма. И чаще всего получается примитивно, невнятно, а то и грубо. А ведь в России – богатейшая эпистолярная культура.

Попробуем обратиться к ней с бережным, сыновним чувством.



В ссылке в Уржуме

...Как бы хотел я быть около тебя, помочь тебе, утешить тебя. Вспоминаю, как раньше болели дети, как мы вместе ухаживали за ними. Теперь все легло на твои плечи... Моя душа всегда с вами, и только для вас я и храню мою жизнь.

29 декабря 1939 года

...Погода неровная – то ниже 40, то довольно мягкая. Нужно сказать, что здешние морозы переносятся значительно легче, чем в Ленинграде. Всю зиму живет с нами в бараке маленький бурундук... Привык к людям и бегаёт под ногами... поймали дятла, и он несколько дней жил у нас в клетке... жрал гусениц, которых мы вытаскивали из дров, наконец, мы его выпустили.

13 марта 1940 года

Вчера я был очень удивлен... В другом конце барака говорило радио. Транслировалась Москва. Вдруг слышу – артист читает что-то знакомое. Со второй строчки узнаю – мой перевод Руставели! Битву Автандила с пиратами. Читал актер неважно – но все сердце мое затрепетало от этих полубытых, но близких строк...

Грядущее... Каким оно будет?

Фото Ирины Стин, Анатолия Фирсова и из архива Никиты Заболоцкого

30 апреля 1940 года

...Почти каждую ночь вижу во сне детей; тогда, пользуясь этим минутным счастьем, стараюсь глубоко-глубоко заглянуть в Никитушкины глаза, чтобы почувствовать его маленькую, родную душу... Во сне всегда вижу себя свободным, и это дает счастье. Счастье во сне.

25 июня 1940 года

Моя милая Катя!..

Спасибо тебе за то, что ты сохранила и сберегла детей. Одной тебе они обязаны всем... Порой жизнь кажется нестерпимой, но как только вспомнишь детей, — чувствуешь — надо жить.

28 июля 1940 года

Милая Катя!.. все то, что ты пишешь о детях, волнует и удивляет меня, и никак не могу я себе представить Никитушку, который кончает Тома Сойлера, и Наташеньку, которая слушает стихи. Я так тоскую о их миллом детстве, которое проходит вдалеке от меня. Но я верю в то, что скоро мы будем вместе.

9 января 1941 года

Мой любимый сынок!

...Вот тебе уже 9 лет. Ты уже совсем большой, милый. Мне было 9 лет в 1912 году. В то время праздновали юбилей отечественной войны 1812 года. Мы, дети, очень увлекались рассказами об этой войне. Летом мы целыми днями играли в войну: наделали себе треуголок, из палок — сабель, пик, ружей и храбро сражались с крапивой, которая изображала собой французов...

23 марта 1941 года

Моя милая Катя!

По временам очень устаю и настроение портится. И в такие минуты я вас вспо-

минаю, как тяжело тебе одной с детьми, как ты устаешь безмерно, как ложишься поздно одна, когда дети спят, и некому приласкать и утешить тебя. И тогда я мысленно всегда с тобой, и целую твои усталые руки, и глажу твои волосы, и утешаю тебя. Уже три года ушло от нас.

30 августа 1942 года

Милая Катя, милые мои детки!

...Раньше меня огорчало, что я почти не имею возможности ничего читать, кроме местной газеты. Теперь же я как-то смирился с этим. Но как я буду счастлив, если когда-нибудь снова смогу перечитать «Войну и мир»!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Николай Алексеевич Заболоцкий умер 14 октября 1958 года, в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. На письменном столе остался лежать лист бумаги с начатым планом новой поэмы «Поклонение волхвов»:

1. Пастухи, животные, ангелы.

2.

Следующий пункт поэт заполнить не успел.

Иван Жук

Валентина

Помню, как-то утром, лет пять назад, бежал я в толпе на работу и сунул какой-то нищей, просившей милостыню неподалеку от монастыря, рубль. Заспешил было дальше, но одутловатая, в толстых очках, тетка, а именно ей я и сунул рубль, придержала меня за рукав:

– А мешка муки для бездомных деток не подашь?

Сам по себе вопрос меня не удивил: я работаю в монастыре просфорником. Сотни, если не тысячи прихожан ежедневно видят меня и моих товарищей, когда мы, накинув поверх белой рабочей одежды серенький халат, выскакиваем по какой-нибудь надобности во двор. Многие нищие со мной здороваются, а регулярно, раз в два-три года сменяющиеся бомжи, так те и вовсе затевают диспуты, нужно ли, допустим, в наше время работать, или кто из нас – я, вкалывающий от и до,

или они, свободные и никому ничего не должные, – быстрее уйдут из жизни, и потому кто счастливее. То есть это я к тому, что меня запросто можно было узнать. Но тут была явно не бомжичка: женщина трезвая, без синяков и ссадин, одетая скромненько, но чисто. Руки у нее были ухоженные, не натруженные, взгляд кроткий и несколько отрешенный, какой обычно бывает у слегка психически неуравновешенных людей. В старину таких обычно с любовью и некоторой таинственностью называли юродивыми. А сейчас придумали другое, более емкое и однозначно негативное слово – «шиз». И вот эта явная стопроцентная «шиза» просила у меня не денег и даже не одежду или обувь, но, как я уже сказал, – муки для бездомных деток. С чего вдруг?

– Спрошу у ребят, – ответил я, тем не менее, вполне серьезно.

– Хорошо, – кивнула она. – Спроси. Завтра и послезавтра я обязательно буду здесь. А потом уеду в Дивеево. Там у них престольный праздник. Много народу понаедет. Может, кто чего и пожертвует для детишек.

И, улыбнувшись, скосила взгляд на небольшой деревянный ящик для пожертвований, который держала на коленях. На нем детской рукой были нарисованы два забавных человечка, идущие вдоль реки, на фоне закатного солнца, а ниже – серела подвыцветшая от дождей и снега надпись: «Смоленская область, Демидовский район, деревня Титовщина, детский приют “Исток”».

На работе я рассказал о странной встрече, и меня тут же подняли на смех. Ребята поведали кучу историй о том, как расслабленные москвичи и иные «гости столицы», в упор не желая работать, чего только не придумывают, чтобы выудить деньги из чужих карманов.

Географические координаты этих двух российских деревенок почти одинаковы – разница по долготе каких-то десять минут, а по широте вообще вдвое меньше. На двоих одна область и один район. И размером они чуть не близнецы – 2,5 и 2,8 кв. км. Что еще общего? Население, по 200 с небольшим жителей в каждой. Даже ОКАТО – Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления – разнится лишь двумя последними цифрами в цепочке девятизначного числа. Однако есть у этих соседних деревенок сходство куда более важное и ценное, чем какие-то там минуты с секундами да километры. Сходство в том, что детям в деревеньках Шапы и Титовщина живет хорошо. Об этом – рассказ в нынешнем и следующем номерах.

– Ну, ты, Иваныч, наивный! Пора бы повзрослеть, – говорили мне.

– Ведь она не денег, а муки для детишек просит...

– Какие там детишки! Для себя берет! А детишками прикрывается, – возражали мне братья-просфорники. – Ты у нее адрес детдома возьми. Или хотя бы телефон. Вот и посмотришь.

Утром следующего дня я так и сделал. Нищенка, казалось, ждала этого вопроса: достала из кармана пальто аккуратно оторванную четвертушку бумажного листа и протянула мне. Я прочел выведенное ровным ученическим почерком: полный адрес Смоленского детского дома, сотовый и рабочий телефоны его директора, некоей Елены Владимировны.

Но моим молодым коллегам-скептикам оказалось мало и этого.

– Да мало ли какой там она тебе телефон дала! – убеждали меня они. – Может, на том конце ее подружка сидит и таким вот лохам лапшу на уши вешает. Знаем мы этих нищих! Навидались. А ты возьми да съезди туда. И вот когда своими глазами увидишь...

– Тогда мы все, – подхватил я, – соберем по сто пятьдесят рублей и отправим мешок муки этим бездомным детям.

– Лады, – согласились мои оппоненты, после чего я, не откладывая в долгий ящик, тут же вызвонил эту самую Елену Владимировну и, узнав от нее, как лучше проехать к их детскому дому, подрядил своего приятеля – «нового русского», скучающего в отсутствие настоящих проблем житейских. И в первую же субботу на его «фольксвагене» отправился за триста пятьдесят верст от окружной дороги провинциальные «щи хлебать».

Естественно, на деньги моего богатенького знакомого мы прихватили с собой из Москвы три мешка муки, мешок с гречкой, какие-то старые вещи, ведерко сахара, макароны, тушенку, консервы – словом, все, что, по нашим представлениям, могло

понадобиться бездомным детям в далекой Смоленской области.

Помолясь, рано утром выехали и уже к обеду, по разбитой, давным-давно не отремонтированной дороге добрались в поросшую бурьяном деревню. Машина остановилась во дворе небольшого одноэтажного домика, какие еще в пору моего «босоногого детства» именовались в народе «бараками». Нас приветливо встретили две женщины в мохеровых шапках и в советских еще пальто. А в кабинете нас уже ждала директор детдома.

Елена Владимировна все подтвердила:

– Да, да. Это Валентина. К нам, по ее наводке, многие москвичи звонят. Кто-то высылает деньги. А кто-то, как вы, привозит продукты, одежду, инвентарь. Так получается, что только благодаря ей, этой никому из наших сотрудников не известной Валентине, мы и выживаем. Точнее, не мы – у нас-то у всех зарплата, – но полторы тысячи бездомных детей нашего Демидовского района.

– Сколько?! Разве ваш детдом столько детей вмещает?!

– У нас, – объяснила Елена Владимировна, – проходят реабилитацию только двадцать пять детишек. Остальных беспризорников мы обносим вещами и продуктами по месту жительства. В нашем районе после распада страны работы для бывших колхозников, как и всюду, практически не осталось. Люди повально стали спиваться. А дети – бесхозные. Так сказать, полторы тысячи бездомных детей при живых родителях. Мы обнаруживаем их в самом плачевном состоянии. Одну четырехлетнюю девочку, скажем, нашли в сарае, где она питалась отрубями вместе со свиньями. А вот недавно семилетнего мальчика привезли с признаками полного истощения. Он не то что не умел писать-читать – толком даже не говорил. Таких мы, естественно, сразу оставляем в детдоме на реабилитацию. А тех, кого подучили да подкормили, отправляем «домой», к мамам и папам. Авось хоть кто-то из них поможет своим родителям прийти в себя. А нет, так они снова вернутся к нам. Конечно, лучше всего их было бы всех оставить в детдоме. Однако государство отпускает денег только на реабилитацию 25 детей. Так что все остальные полторы тысячи выживают исключительно благодаря стараниям Валентины.

– А как же она узнала про ваш детдом?

– Говорят, ее муж Федор, Царство ему Небесное, – будто бы из наших мест. Вот он и наказал жене помогать детишкам. Сам умер, а она исполняет его волю.

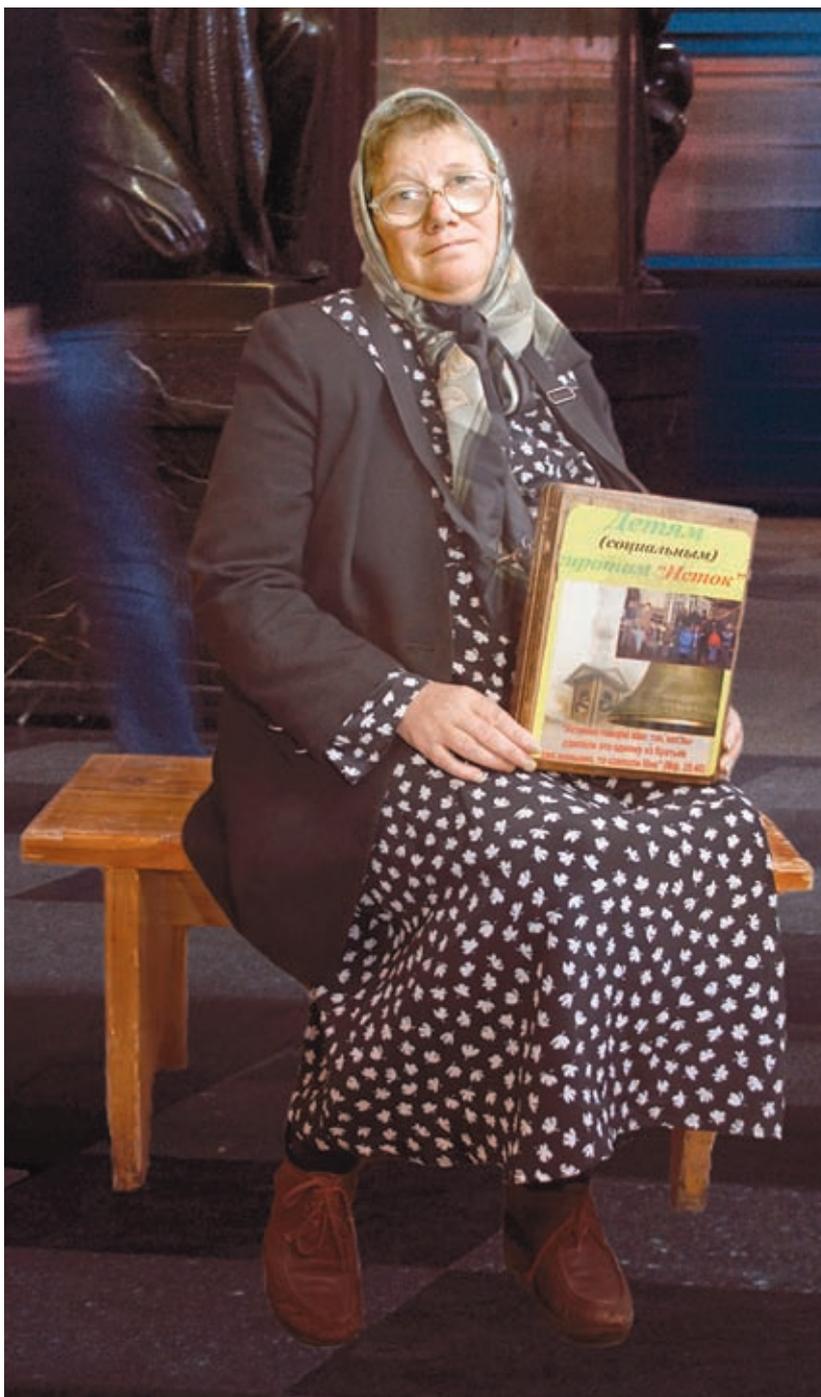
Обратно в Москву мы долго ехали молча. И уже при выезде из Смоленской области мой товарищ произнес:

– Я знаю, что надо сделать в следующий раз! Купим много-много мяса и устроим детям настоящий праздник – шашлыки!

– Лучше лопаты им подарить, – в досаде ответил я. – Или швейные машинки. На те же деньги.

– Ну да, – коротко согласился приятель, то ли обидевшись, то ли не поняв, отчего я с ним так суров. До самой окружной дороги этой темы мы с ним больше не касались.

В понедельник утром братья-просфорники, выслушав мой отчет, пристыженно умолкли. И потом уже дважды или трижды собрали мы с зарплаты по полтора рубля на несколько мешков муки для бездомных детей далекой Смоленской области.



Вскоре мой «новый русский» приятель переселился с женой в Италию, в город Бари. Их дом теперь чуть не рядом с мощами святителя Николая Мирликийского. Всей семьей они регулярно исповедуются и причащаются Святых Христовых Тайн. Но только после поездки в Смоленскую область мы с ним к разговору о беспризорных детях так ни разу и не возвращались. Как-то не пришлось...

А Валентина... Так и хочется закончить по-газетному: «Невзирая ни на зной, ни на холод, в обход всех полицейских облав и казачьих патрулей, изредка

направляемых высоким монастырским начальством на разгон нищих от белокаменных патриарших стен, ежедневно, без выходных и праздников, она продолжает сидеть с деревянным ящиком, на раскладном, латанном-перелатанном стуле и, глядя через толстые стекла очков мутноватым взглядом немного больной на голову женщины, выхватывает из мятущейся толпы то того, то другого из москвичей:

– А на бездомных детишек ящик гвоздей не пожертвуете?»

Фото автора

Страница в селениях дивных



При Советах храмы старались прятать подальше от глаз людских, на окраинах. Но из сердца разве уберешь Бога?

Есть на севере Кузбасса город, звучно и красиво нареченный Анжеро-Судженск. Но истории возникновения даже необычных названий городов в России схожи. По берегам двух речушек – Анжеры и Суджи – когда-то обосновались поселки Анжерка и Судженка. Прошло время – они объединились в город.

Вырос Анжеро-Судженск на угольных копях, открытых еще при Л.А. Михельсоне, в начале XX века. Много испытаний легло на плечи его жителей: в годы революции и гражданской войны здесь сражались с войсками адмирала Колчака; во время Великой Отечественной войны не прекращали добычу угля, на эвакуированных сюда заводах делали снаряды, в госпиталях выхаживали раненых бойцов. До недавнего времени это был «город шахтерской славы». В «лихие 90-е», когда остановились шахты, жители, годами не получавшие заработной платы, в отчаянии даже перекрывали Транссиб.

Но жизнь, как во всей стране, понемногу налаживалась и в нашем сибирском городке. Можно было начать думать не только о хлебе насущном, но и о духовных запросах, особенно – о воспитании наших детей, о пробуждении в них интереса к истории родного края.

В наши дни много говорят о патриотическом воспитании. «Есть такое призвание – Родину защищать!». Эта фраза о тех, кто служит Отечеству. Но есть и высшее служение – славить Бога, то

есть жить во славу Божию и служить Ему. Об этой стороне духовной жизни в советское время категорически умалчивалось. Правда, в начале двухтысячных годов появились несколько школьных рефератов по истории местных церквей. А вот одна страничка все-таки осталась там без внимания – церковное пение.

Не случайно на Руси его называли ангелоподобным и ангелогласным. Оно воспитывало любовь к Богу, к ближним, дисциплинировало, задавая тон всей жизни. Огромная беда, что тысячелетняя традиция была прервана и едва не исчезла за семьдесят лет безбожия. Низкий поклон тем, кто все же сберег ее в те нелегкие годы и донес до нас, ныне живущих. Одну из них – Ксению (с греческого – *странница*) – без преувеличения можно назвать хранительницей церковнопевческого искусства в нашем городе. Она отдала этому подвигу больше полувека. Ее имя знает весь православный мир Кузбасса, да и за его пределами тоже.

Она запомнилась как добрый, кроткий и заботливый человек. Но строгий

и требовательный, когда касалось дела, главного дела ее жизни – регентства. Эти качества словно отразились и в ее внешнем облике: всегда темное, прямого покроя платье, наглухо подвязанный у подбородка платок. Особую серьезность придавали этой бабушке очки с толстыми линзами (к старости совсем испортилось зрение). Но все, с кем мне довелось о ней говорить, вспоминали прежде всего ее истовую, пламенную веру. Ее любовь к делу чувствовалась и проявлялась не только в постоянном присутствии на богослужениях, но и в том, как она пела.

Десять лет назад меня, музыковед, повидавшую в годы учебы разные хоровые коллективы и в Кемерово, и в Красноярске, поразила ее самоотдача, ее удивительное чутье Слова Божиего, которое она доносила через церковные напевы. То ласково и невероятно добро звучал ее голос, а то становился сильным и крепким, с активным волевым «Го-спо-ди, по-ми-и-луй!». И пусть это пение не было похоже на звучание больших церковных хоров, где трудятся вокалисты с консерваторским образованием, ее хор всегда звучал слаженно, спето, утверждая самое главное: веру и любовь к Богу!

Родилась Ксения на заре советской власти, в 1922 году, в деревне Венедиктовка, в семье певчих Агея и

Анастасии Рябцевых. День ее рождения – 19 августа – пришелся на великий христианский праздник Преображения Господня. Семья Рябцевых была небольшая – отец, мать и три сестры: Надежда, Зоя и Ксения. Это была семья молитвенников. Господь не оставлял их Своей милостью, хотя в родне были и пострадавшие от репрессий. Во время войны трудились на лесоповале, после войны – в совхозе.

Нравом Ксения пошла в родителей: незлобива, смиренна, чиста душой. Совсем юной ее выдали замуж в село Турат, в семью старообрядцев. Однако прожила у них Ксения всего восемь месяцев. Киржаки – люди, казалось бы, крепкой веры, а муж оказался блудником, и это было больше укором свекрови. Погрузила она нехитрые пожитки на телегу и тихо, без упреков, подалась в отчий дом. Вся ее жизнь, она знала точно, отныне будет посвящена Богу.

В 1953 году в Анжеро-Судженске освятили церковь в честь первоверховных апостолов Петра и Павла, которая и доныне главный наш храм. В те поры Ксения с сестрой как раз приехали в город. Ксения устроилась работать в столовой, сначала на раздаче, хотя и трудно было всю смену на ногах – воду носили из колонок. Через некоторое

время ее перевели в кассиры, и стало полегче.

Несмотря на усталость сестры, не пропускали ни одной вечерни (а храм-то на другом конце города), вместе пели молитвы, вместе укреплялись духом и телесно. Молодую женщину с сильным, звучным голосом заметила регент хора – строгая монахиня. Настоятель, иеромонах Павел, благословил Ксению уйти с работы и петь на клиросе. Однако она не сразу решилась на этот шаг: надо было трудовой стаж для пенсии заработать (служение в церкви в стаж не шло), да и родители нуждались в уходе. И лишь после их смерти Ксения перебралась в домик на улице Крестьянской, чтобы быть поближе к храму. Это была обычная изба – комната да кухонька. Но именно в этой небольшой комнатке очень часто и воспитывались новые певчие. Ксения усаживала их за богослужебные книги, наставляла, разъясняла и поправляла ошибки, а между делом готовила на кухне общую трапезу.

Все, кому доводилось бывать у Ксении, отмечали скромность ее быта, удивительные чистоту и уют. И обилие икон. Гостей Ксения встречала всегда радушно, но без излишеств в еде, особенно в посты. Знакомые шу-

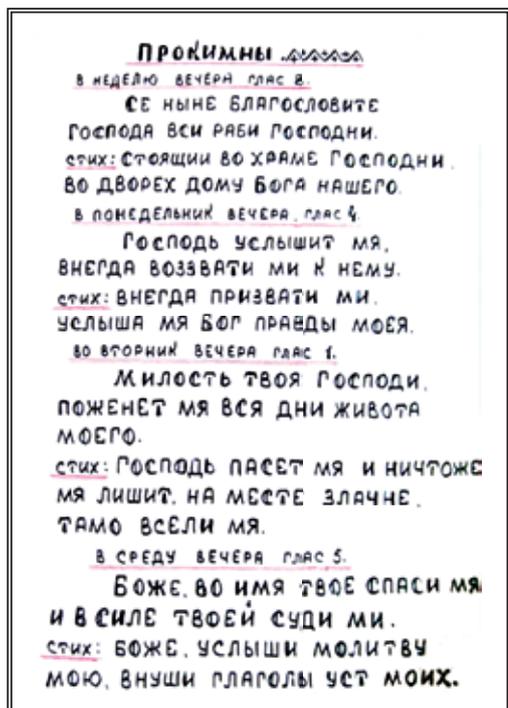
тили: «У нее даже кошка постится, ест только картошку и морковь». Бывало, новичку-певчому скажет: «Что за пост, если пирожки с фасолью?!».

Святые говорят: «Послушание превыше поста и молитвы». Ксения это на себе испытала. В который раз священник позвал ее руководить хором вместо уехавшей монахини. Ксения колебалась, но услышала в ответ: «Значит, ты Бога не любишь!». А на другое утро на работе вдруг пропало зрение – ослепла! Поняла, что это знак Божий. Оставила работу и стала трудиться при храме. Зрение постепенно вернулось. С начала 1970-х годов Ксения уже воспитывала певчих, вела службу, строго, с любовью и трепетом следила за соблюдением устава.

В церковной практике знают, что священник начинается с клироса, – ведь именно там поют Богу. Скольким священникам она была поддержкой и опорой! Больше двадцати человек из ее хора связали свои судьбы с жизнью церкви, стали впоследствии священнослужителями или иноками в разных монастырях России.

Обращались к ней за помощью певчие и из других храмов.

Больше года ездила она по выходным в город Мариинск, где обучала



Вот так Ксения Агеевна переписывала певческие тексты. Книг-то в ту пору почти не было...



Церковный хор в 80-е годы прошлого века. В центре (в очках) – матушка Ксения

ОБ АВТОРЕ

Анна Александровна Литвиненко окончила Красноярскую государственную академию музыки и театра. Тема дипломной работы – «Пособие по составлению церковно-певческого репертуара в богослужбной практике». С 2000 г. живет в Анжеро-Судженске. Преподает в детской музыкальной школе № 19, руководит детской лекторской группой «Лира». С 2001г. – певчая и хормейстер Петропавловского храма.

На снимке: праздничный хор Петропавловского храма. В центре – А.А. Литвиненко.



местных певчих и готовила регента. Певчие из храма на Антоновском руднике тоже ее воспитанники. Старшие и сейчас вспоминают ее строгие замечания: «Почему перед обедом “Отче наш” читаете, а не поете? Вы же певчие – надо Богу петь!». С какой любовью, всегда энергично и с волей, присутствующему регенту, руководила она певчими!

Было у Ксении любимое занятие – писать пером. Много церковных песнопений переписала она, восстанавливая утраченные молитвы. За годы советской власти церковные книги не переиздавались, а старые обветшали. До сих пор ее рукописи используются в обиходе певчих.

В 1995 году епископ Кемеровский и Новокузнецкий Софроний наградил Ксению Агеевну Рябцеву грамотой «В благословение за усердные труды во славу Святой Церкви».

Так вот изо дня в день, за годом год текла жизнь этой женщины. Кому добрым словом, кому делом помогала Ксения. Читала молитвы о грешниках, а таких в округе много: бывало, стучались по ночам, требуя у одинокой бабушки денег. «Тебе открываю, Господи!» – говорила она и, отворив дверь, давала деньги, чтобы не ввести незваных гостей в большой грех.

Дожила Ксения Агеевна до 84 лет. Смирно несла она свой крест. Не пропускала ни единой службы, приходила и пела, даже когда болели ноги. От певчих, начинавших служить под

ее началом, я узнала, что свои больные ноги называла она «мои жемчужины!». Последние годы претерпела от мучительной болезни – рак желудка. Верила Ксения, что болезни даются от Бога во спасение и исправление, поэтому смиренно относилась к недугам, спокойно ожидая окончания земного пути. С особой интонацией человека, загостившегося на чужбине и стремящегося к родному очагу, говорила она «пора Домой», имея в виду Обитель Отца Небесного.

Священник Александр (Гомзяк), который с детства помнит Ксению, рассказал об удивительном случае, который иначе, как Промыслом Божиим, и не назовешь! Последние годы она частенько приговаривала, глядя на огромный деревянный крест, лежащий в палисаднике на территории храма: «Вот этот крест – мой, меня дожидается». (Кстати сказать, я помню, как этот крест мы устанавливали много лет назад с владыкой Софронием на месте будущего Троицкого храма, что на улице Гагарина. Я тогда была в числе певчих Кемеровского Знаменского кафедрального собора, с кем архиерей совершал выездные службы. Когда Троицкий храм построили, то памятный крест убрали на хранение). Так вот, когда преставилась раба Божия Ксения, как полагается, организовали все необходимое для погребения. Только крест ритуальные службы сделать не успели. И пришлось установить над ее могилой именно тот

памятный крест, на который при жизни и указывала Ксения! Умерла она 16 октября 2006 года. Ее отпевали восемь священнослужителей.

Это чудо, что духовное пение в нашем городе не утрачено, а живые традиции восприняло новое поколение певчих. Значит, еще будут на нашей малой родине люди, про чей земной путь можно будет сказать: «Это была жизнь, посвященная Богу!».

P.S. Сердечно благодарю певчих, клириков и прихожан Петропавловского храма за помощь в подготовке материала.

г. Анжеро-Судженск,
Кемеровская область

*фото Татьяны Терехиной,
Анастасии Наумовой,
Варвары Арышевой*

СКРЕПЫ

*Бога имей началом
и концом всякого дела.*

*Святитель
Григорий Богослов*

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах
www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или
8 926 105 105 4

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2, г.)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Вespолье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

прп. Алексея, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове
(Борисовский пр., 15, стр. 4)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе
(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове
(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271



9 772225 027100

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-02X1



Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 2 (89) 2013
март — апрель

ДАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА
МЕЖДУ СМИРЕНИЕМ
И ПОКОРНОСТЬЮ?

- Грузия и Россия: сумма взаимной любви
- «Аксиос!» значит «Достоин!»
- в ожидании Праздника